Аннстис. Возвышение. (Новая жизнь. Возвышение.)

Аннстис - 3

Алексей Владимирович Чтец

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Черновик. Книга третья.

Закончено, не редактировано

К сожалению вторая книга свет не увидит, как собственно и третья, так что она будет написана в рамках 300 + 50 + 20 кб.

- Чтец Алексей Владимирович
  - Пролог
  - Глава 1. Минувшее время
  - Глава 2. Охота. По следам беглецов
  - Глава 3. Охотник становится дичью
  - Глава 4.В гостях у орков
  - Глава 5. Надежда
  - Глава6.Диверсант
  - Глава 7. Ветры перемен
  - Глава 8.Новые времена
  - Глава 9.Наши в городе
  - Глава 10. Дом, милый дом
  - Глава 11. Это война
  - Глава 12.Демон или ангел
  - Эпилог

Чтец Алексей Владимирович Аннстис. Возвышение. (Новая жизнь. Возвышение.)

Пролог

По традиции — немного о прошлом с намеком на будущее

Инквизитор Турус, оставшийся в вольных баронствах в роли жреца, сидел на шикарном стуле и задумчиво барабанил пальцами по столу, методично восстанавливая в памяти минувший год, в очередной раз утверждаясь в своей правоте, считая этого эльфа безумцем. Он своими глазами видел, как тот относится к собственной жизни и жизням своих слуг, не раз слышал от солдат и наемников байки, как пресловутый барон-эльф с горсткой бойцов прошел сквозь двухтысячное войско, как раскаленный нож проходит сквозь масло. Сегодня многие позабыли, что в той безумной атаке полегли все, кто доверил ему свою жизнь, зато каждый запомнил, благодаря кому удалось одержать победу. А еще ярче жители баронства помнили сожженные деревни, вытоптанные поля, угнанный и забитый скот, рабское ярмо на шее и хлесткие удары погонщиков, помнили нехотя, с тлеющей в глубине души ненавистью к своим обидчикам. Не забывали и того, благодаря кому вернулись домой живыми, и застали там не черное пятно выжженной разоренной земли, а свежесрубленную избу, закупленные для каждого скотину и зерно. Барон Анст не дал этого забыть никому…

Он считал себя вправе повелевать и посылать людей на смерть, и все время находились те, кто безоговорочно ему подчинялся. И все больше и больше людей в баронстве были готовы следовать за ним хоть в сам ад только за то, что он в столь короткий срок успел сделать для этих земель. А еще пресловутому эльфу было плевать на все условности и любые запреты. В памяти инквизитора еще свежи те минуты, когда этот сумасшедший крыл его матом перед пентаграммой призыва и швырялся оторванными конечностями демона, с просьбой этого демона уничтожить. И это, мать вашу, в инквизитора светлой богини! Демон бы подрал этого эльфа, наверное, сам бог обмана вкладывает идеи в его дубовую голову и слова в уста, обволакивающие словно сладкий мед. Светлые боги, да я до сих пор не могу понять, как он, передавая половину прибыли от продажи ингредиентов храму, умудрился заработать больше, чем отдал! Турус глубоко вздохнул, старясь успокоиться и прийти в состояние равновесия после внезапно нахлынувших воспоминаний, и перевел взгляд на остальных собравшихся.

Напротив расположился старший общины гномов,

насчитывающей порядка пятидесяти мастеров, руководящих работами в шахтах рудников, на прокладке новых дорог, укреплении стен и постройке пограничных фортов. Он точно также думал о чем-то своем, нервно накручивая густую бороду на указательный палец. Это был самый старый и вместе с тем самый опытный гном по имени Рогмир. Где-то с год назад его во главе торгового каравана занесло в пограничье, где, как он слышал, баронский титул получил первородный. Неслыханное дело, еще ни разу за всю известную историю дворянином в человеческих землях не становился чистокровный эльф, так что помимо основных забот Рогмир регулярно посылал почтовых голубей подгорному трону, рассказывая обо всем необычном, что сумел заметить в баронстве, посылал с пугающей самого себя регулярностью.

Да-да, Рогмир был соглядатаем подгорного трона, и далеко не факт, что такой соглядатай здесь был один, в конце концов, люди не менее любопытны, чем гномы. Но самое странное, что эльфу на это было плевать, он занимался делами баронства и мгновенно затыкал глотку каждому, кто говорил слово против. Так что старина Рогмир предпочитал лишний раз не действовать ему на нервы и с крайней осторожностью относился к секретам барона. У Анста был крутой нрав, и на своей шкуре это испытали многие.

Далее расположилась молодая застенчивая женщина по имени Сатина и вместе с тем достаточно сильный адепт разума, почти готовый сдать испытание на титул мастера, внимательно разглядывающая всех собравшихся. В ее обязанности как раз входило присутствовать на подобных собраниях, где обсуждались проблемы майората, и следить, чтобы ни одна тайна ее нанимателя не просочилась наружу. Но из-за амулетов ментальной защиты, в основном все сводилось к наблюдению за лицами, и какой в этом толк, она не имела ни малейшего понятия, но нужно же было хоть чем-то заниматься и оправдывать жалование? К тому же такова была просьба ее нанимателя.

Еще одного из присутствующих звали Понтий. Он был едва ли не единственный, кто рисковал попадаться на глаза Сати без амулета сокрытия разума, хоть его и чрезвычайно бесила сама мысль, что в голове может копаться кто-то совершенно посторонний. Да что там, Сатину сторонились буквально все, ни один из самых умелых ловеласов гарнизона так и не смог уединиться с ней в покоях, еще не раскрыв рта, прямо на подходе получив пощечину от покрасневшей от смущения девицы. Слуги, наемники, гномы — никто не горел желанием столкнуться с ней взглядом. Бедняжка, ее собственный дар создавал надежную

полосу отчуждения перед своей хозяйкой, никто не хотел, чтобы кто-то мог копаться в его грязном белье, мнение самой Сати зачем ей тратить силы ради чужих мелких проблемах не интересовало никого. Большинство из тех, кто с ней свободно общался, и собрались сейчас в этой комнате.

А в самом углу обширной комнаты от безудержного страха трясся маленький Ыргх, исподлобья разглядывая страшных людей. Он бы непременно испражнил от страха кишечник из-за одной мысли, что скоро в этот зал зайдет сам вестник смерти! Но маленький Ыргх был слишком мал и пуглив, а потому уже не раз успел изгадить штаны, а перспектива очередной пытки щетками и мочалками пугала его не хуже мысли о скорой мучительной смерти. И потому молодой орк продолжал сидеть в углу, как можно глубже вжавшись в холодные каменные стены, обхватив колени руками, в ожидании своей участи. Его живот предательски заурчал от не замечаемого прежде голода, привлекая внимание страшных людей… Зря он сегодня запустил миску с противными овощами в своего тюремщика. Помимо страха, появились мысли о еде, и Ыргх вдруг понял, что люди непременно захотят его съесть, а зачем бы еще их собралось так много за одним огромным столом? Сейчас из него непременно сварят вкуснейшую мясную похлебку, и несчастного Ыргхи не станет… При мысли о вкусной похлебке, что бывало варило его племя из плененных людей, снова заурчало в животе, а человеческую самку передернуло от отвращения.

И, конечно же, всех собравшихся мучал вопрос: «А какого черта здесь делает этот орченок?» Причем, больше всех от этого вопроса изнывал сам маленький Ыргх. Неужели его дед, сам могучий и славный вождь и шаман Грым — говорящий с предками, вот так просто отдал его на съедение ужасному существу, больше месяца нагонявшему страх и преследующего его родное стойбище?

Глава 1. Минувшее время

По длинному, украшенному портретами и гобеленами коридору к месту сбора с задумчивой кислой миной шел эльф, точнее ныне здравствующий вольный барон де Ганзак, гарант прав и основной источник обязанностей для всех своих верноподданных. Такое унылое выражение лица случилось из-за того, что ему никак не удавалось подобрать нужных слов, а потому он совершенно не торопился сообщить щекотливую новость своим советникам. Одно дело, когда потребность в железе растет, а в шахтах не хватает рабочих…, впрочем, как раз это решилось быстро. Вместо казни расплодившихся после войны воров, убийц и насильников, засунули в самые отдаленные выработки, на дно самых глубоких штреков и давали грошовую тюремную баланду в обмен на дневную норму. Там на дне не было ни морали, ни законов, ни стражи, которая могла бы их установить и поддерживать, в наличии имелось только сборище отбросов, которое попытались приспособить к делу. На удивление вышло неплохо, да и вряд ли ближайшие пять-десять лет кто-то из них сможет оттуда выбраться, сотни тонн земли и породы действуют много надежнее самой ответственной стражи.

Немного сложнее было приструнить свору наемников, но умение чувствовать ложь и видеть тьму в душах людей сильное подспорье в выборе наказаний. Да и наказания у господина барона не блистали особой оригинальностью: за драку, после которой сцепившихся насмерть идиотов откачивали при храме Пресветлой, оба шли в шахты на пару десятин добывать руду, отрабатывать лечение и приносить прибыль. Те, кто все же убил, особенно кого-то из крестьян, шли следом за первыми, но уже не наравне с наемными рабочими, а на правах безмолвной скотины сбрасывались на самое дно выработок.

С мелкими жуликами поступали проще, по крайней мере, в камеры токих никто сажать не пытался, зачем тратить хлеб, воду и бдительность тюремщика на недалеких людей, все еще не понимающих, что прежняя воровская вольница кончилась? Украл — получи розги у позорного столба прямо на площади, где твое лицо увидят десятки торговцев, их слуг, рабочих и крестьян, которые ни за старое доброе золото, ни за красивые слова больше не согласятся вести дела с жуликом, и иди на все четыре стороны. Зрелище того, как здорового мужика прилюдно порют весьма ощутимо било по самолюбию любого мелкого вора и дебошира, надолго отбивая желание преступать закон. А презрение и отторжение жителей замка быстро заставляло либо взяться за

дело, либо проваливать к чертовой матери за пределы крепостной стены. С детьми вышло легче и сложнее одновременно, вначале их точно также пороли, но потом заботливо пристраивали к несложному делу, например, носить посылки или убирать со столов, не суть. Важно, что даже круглый сирота без кола и двора вполне спокойно мог заработать на хлеб и жилье.

Зато пьяниц было велено не трогать, ровно, как не встревать в трактирные драки, по крайне мере, пока они оставались «честными», нужно же сотням рабочих и наемников хоть как-то выпустить пар? Но если ты «накушался» до потери личности и кидаешься на всех и каждого — сиди голым у все того же позорного столба наравне с ворами и мошенниками, пока не протрезвеешь и придешь в себя. Если же ты бросился на кого-то с ножом в руках…, не сложно догадаться, ведь многоуважаемый барон не отличается оригинальностью, а в развивающемся поместье руды не бывает мало. Новые законы порядочным жителям баронства, в целом, нравились, приезжим, почему-то, нет.

Однако законы — это одно, совершенно другое дело сообщить новость, что часть границ со степью будут охранять орки. Да-да те самые орки, которые воровали скот, нападали на деревни, не гнушались жрать человечину и из-за которых рабочие под руководством мастеров-гномов начала возведение очередной заставы! Спросите у любого жителя вольных земель кто такие орки, и все как один с ненавистью в глазах ответят, что это звери, которых давно пора истребить, но от которых приходится прятаться за частоколом и стенами замка. Пожалуй, что уже не осталось ни одного взрослого мужчины, способного держать в руках меч, что еще ни разу не видел разукрашенные зеленые рожи дикарей, накатывающие волнами на укрепленные пограничные села и угоняющие стада. Не осталось ни одной семьи, в которой бы кто-то не пострадал или не погиб от кривого орочего топора. Ну и как после этого сообщить, что с этого момента орки и люди будут жить бок о бок? Да того, кто об этом заикнется, разъяренная толпа разорвет на части! И именно об этом повелитель не подумал, когда все затевал…

А началось все с простого невинного разговора со стариком, когда-то давно-давно, еще самим ныне покойным бароном, взятым на должность садовника за какие-то старые заслуги. Дело было на скамье неподалеку от небольшого фонтана с цветущими лилиями, через пару часов после того, как чертовы зеленомордые выродки угнали в степь только что купленное стадо. Само собой, повелитель был вне себя от негодования, что не очень-то для него характерно, а значит, допекло его основательно…

— … Сколько можно?! — орал барон, не к кому конкретно не обращаясь. А единственный, с кем он мог разговаривать, как раз и был садовник, который, казалось, плевать хотел на крик души и праведное негодование.

— Как считаешь, может устроить им кровавую баню? — спросил он более менее спокойным голосом, а старик наклонил голову, посмотрел на барона исподлобья и исторг неоспоримую мудрость.

— Если голова не работает, то первым обычно страдает тело. А особенно грустно, если из-за дурной головы хозяина страдают ни в чем не повинные слуги. — Повелитель закашлялся от такой тирады, подавившись как злостью, так и заготовленным ответом. Конечно, в чем-то он прав, загнав гарнизон и ополчение в степь, проблему не решишь, тут не поспорить, но черт! Как же хочется вырвать язык и растянуть эту сволочь на дыбе за оскорбление повелителя! Но кто же еще кроме этого старого пердуна рискнет вернуть «железного барона» с небес на землю? К тому же имущество повелителя необходимо беречь… Айн — низший демон, правая рука и бессменная тень своего господина, не добрым взглядом посматривая на садовника, продолжил прислушиваться к разговору.

— То есть ты хотел сказать, есть те, с кем можно воевать и те, с кем тоже можно, но лучше не стоит, так что ли? Ладно, старик, считай, я тебя услышал. — А дальше начался настоящий ад для верных слуг своего господина.

— Айн! — позвал меня повелитель, что все еще пребывал не в самом лучшем расположении духа. За последние месяцы это была хоть и самая крупная, но далеко не единственная кража скота, и отнюдь не всегда обходилось без жертв и ранений. Мне ничего не оставалось, кроме как подойти и выслушать отданный сгоряча приказ, приказ который так или иначе придется выполнить.

— Немедленно собери клан. Вы должны найти этих зеленорожих ублюдков и показать, что в баронстве есть хищники опаснее их самих! Разделитесь по трое, с собой паек и запас воды на неделю, никакого оружия, кроме дешевых мечей — не хватало еще сдохнуть в степи и оставить оркам элитное снаряжение. Кстати, перед тем как сдохнуть, не забудьте призвать меня, иначе смерть будет напрасной. Исполнять!

Отойдя на приличное расстояние, я позволил себе досадливо скривиться. Именно мы, клан повелителя, не смогли обеспечить безопасность новых селений, и сейчас будем расплачиваться за нерадивость собственной жизнью. В последние месяцы вонючие орки активны как никогда, особенно они обнаглели, когда к концу постройки стали видны стены форпостов. Орки были как

ветер, как саронча, за ними бесполезно гнаться, бесполезно искать, если их не удалось заманить в засаду или напасть «лоб в лоб», то единственное, что находили патрули — чертову кучу вытоптанной травы, брошенные впопыхах шатры, кучи свежего дерьма и идущие на все четыре стороны следы. Когда-то, так или иначе, пришлось бы что-то предпринять, и, если бы Анст не отдал этот приказ, нечто подобное приказал бы я сам, ведь именно клан и никто другой имеет шансы выжить в степи, или… родиться вновь. Но черт, кто бы знал, как не хочется этого делать!

Единственный, кто обрадовался такому положению дел, был Мэд — достаточно сумасшедший низший, что с величайшим энтузиазмом воспринимал самый тонкий намек пустить кому-либо кровь. Да ради одной только возможности вдоволь помахать мечами с достойным противником, он готов хоть ползком пересечь все баронство и степь в придачу. А уж если таково желание повелителя…, почему бы не совместить приятное и полезное? Отправился Мэд в компании двух точно таких же отморозков, как он сам, сначала хватающихся за сталь, а только потом разгребающих последствия. Меньше месяца назад он лично отвязал этих идиотов от позорного столба и привел к присяге господину.

В тандеме эта троица смогла зайти в выжженную солнцем степь много дальше любого из нас, хотя бы по той причине, что никому даже в страшном сне не пришла бы в голову мысль тянуть жребий, чтобы решить, кому следующему быть убитым в поединке и кто станет источником влаги и протеина для всех остальных. Насколько мне известно, за карточным столом Мэду не было равных, а на арене он не проиграл даже низшим, поэтому не удивительно, что когда все остальные отправлялись на перерождение по второму кругу, он все еще продолжал упрямо мерить шагами степь.

Под палящими лучами летнего солнца, когда температура к полудню достигала сорока градусов, а единственная тень — твоя собственная, недельный запас воды уходил всего за три-четыре дня. В первую десятину больше половины новичков, кто до сих пор не прошел посвящение в клан, на собственной шкуре узнали значение слова возрождение, так и не встретив ни единого орка. Тем, кому не повезло в истощенном, бессознательном состоянии попадали в лапы зеленомордых охотников, словно появляющихся из ниоткуда, и заканчивали свою первую жизнь в котле. За целый месяц удалось прикончить не более двух десятков орков, которые довольно быстро поняли, насколько опасно приближаться даже к ослабевшим от голода и жажды чужакам, так что они предпочитали держаться подальше и ждать. И черт его знает,

сколько еще свежего мяса досталось бы проклятым людоедам, если Мэду не улыбнулась удача.

Наученный горьким опытом, передвигаясь исключительно по ночам, днем он зарывался в землю и замирал в неподвижности, стараясь не тратить и без того убывающие силы. С каждым новым днем эти ямы становились все менее и менее глубокими, а их рытье отнимало все больше и больше времени. Давно лопнули натертые мозоли, но все равно в конце каждой ночи, как бы он не был утомлен, Мэд принимался за рытье очередной ямы, на дно которой в изнеможении падал и коротал световой день хоть в относительной, но прохладе и тени. В один прекрасный день голод, жажда и истощение взяли свое, ему не хватило сил, чтобы выбраться из вырытого собственными руками убежища, и он вот уже сутки терпеливо ждал, когда упрямое тело закончит бороться, вырытая яма наконец станет могилой, и можно будет со спокойной совестью вернуться в доминион.

Конечно, можно по примеру некоторых низших бродить несколько дней в виде нежити, пока солнце и разложение не прикончат и не сгноят тебя окончательно, но он склонялся именно к первому варианту, к тому же ему было противно быть нежитью. Это удобно в бою, когда можно сменить пришедшее в негодность тело, когда рядом сражаются пятеро братьев, а что посреди пустыни может сделать с каждым днем теряющий подвижность и части тела зомби? Пока рядом нет повелителя, способного правильно провести ритуал поднятия, неподготовленное тело не прослужит долго. Но задуманному не было суждено случиться, буквально на голову ему свалился вполне живой, сытый и довольный жизнью ягненок.

Начавшая было блеять животина, срезу же оказалась на боку с уткнутой во взрыхленную землю мордой, придавленная пусть порядком исхудавшим, но все еще достаточно массивным телом Мэда. До сих пор никто из клана не смог продержаться в степи и недели, он же выживал больше месяца и сейчас, старательно отплевываясь от шерсти, собирался вцепиться в горло животному, чтобы выживать дальше, выживать, чтобы выполнить приказ своего повелителя. Этой ночью у него снова будет достаточно сил, чтобы встать на ноги, вылезти из норы и вызвать помощь. Сегодня именно он сделал то, что не удавалось еще никому — он встал на след целому, ни о чем не подозревающему племени кочующих орков.

Глава 2. Охота. По следам беглецов

— … встать! В колонну! — на правах сержанта поднимал бойцов Айн. Именно этот момент дается всем особенно тяжело, ведь привалы сократились до часа, и за сутки их случается не более трех.

— Шевелитесь, мать вашу! Чем быстрее закончим, тем быстрее вернемся домой! — Чертовы хитрозадые орки, так посмеялись над нами, что от собственного бессилия катятся слезы. Мы гнали их три дня, днем и ночью, без перерыва, они никогда не оставались вне поля зрения, но оказалось, что настигли мы десяток смертников и чертово стадо парнокопытных, у нас же украденное! С каким бешенством Мэд рвал на части этих недоносков, старательно создающих иллюзию целой орды, с какой злобой мы возвращались назад по собственным следам, бродили кругами и искали, где и когда свернула основная масса орков. К концу недели, когда удалось снова встать на след, буквально каждый дышал ненавистью и был готов голыми руками рвать не в меру хитрых орков на части.

Сама идея перетащить в пустыню шестьдесят бойцов в полной выкладке, используя в качестве маяка изможденного бойца — это все равно, что зашвырнуть за горизонт десять тонн чистого веса. Даже с помощью магии было не просто, поэтому двигаемся мы не на лошадях, а пешком, питаемся не походным пайком, а самыми ядерными эликсирами, какие только удалось изготовить. Разумеется, мы с Айном бежали впереди всех, лично показывая пример остальным, ведь мораль отряда — прежде всего. Пускай они скрежещут зубами от усталости, напряжения и злобы, но это правильная злоба, направленная на врага, а не повелителя. Мы — клан, единый организм, в котором каждый выполняет роль, и моя — вести нас к победе, даже если вместо этого хочется упасть и не двигаться.

— Привал! — Это слово греет душу больше чем слиток чистого золота, а весь отряд словно скошенный одной огромной косой падает на пожелтевшую от палящего солнца траву. Пот катится градом, металл доспехов раскален до предела, яркое безжалостное солнце слепит глаза, а единственное желание — больше не вставать никогда. Если вы спросите, на что похож ад, то это будет близкое к нему описание.

— … в колонну! — привычным окриком закончился очередной привал. — Бегом! — И все со старательно сдержанным стоном принимают ужасную на вкус суточную дозу коктейля из энергетиков, обезболивающих и поддерживающих компонентов,

чтобы иметь возможность продолжить погоню. Наших запасов хватит надолго, хватило бы только терпения.

К общему сожалению, в деле с орками мои поисковые заклинания почти бесполезны, и то, как они смогли нас надуть лишнее тому доказательство. Однако это не повод полностью от них отказаться, иногда и старая добрая магия приносит интересные вести, например, только что стало понятно — живая масса беглецов распалась на части. Сейчас не понять, кто из них новая приманка, но стоит ли гнаться за несколькими зайцами сразу? Никто не командовал остановку, но как только я замедлил шаг, люди сами собой начали останавливаться и опускаться на землю.

— Как думаешь, Айн, есть ли во всем этом смысл? — С накопившимся сомнением в голосе спросил я своего слугу, друга и верного телохранителя. — Еще неделя и воины клана сами вздену меня на мечи.

— Пф, — хмыкнул Айн, — они не смогут предать своего повелителя даже если очень того захотят. А что касается орков, то мы их измотали, раз уж они начали выбрасывать провиант, осталось немного.

— Однако сил испортить, смешав его с дерьмом у них хватило. Но речь не об этом, Айн, они разбились на части и движутся в разные стороны, что будем делать?

— Можем разделиться и…

— Нет! — обрубил я саму возможность такого идиотского поступка. Насколько я помню после наивной фразы «Давайте разделимся» следует долгая мучительная смерть каждого одиночки. — Нас не настолько много, наша сила в единстве, и не стоит так бездарно упускать единственное преимущество.

— … или же прирезать тех, что оказались ближе к баронствам, — закончил Айн прерванную речь, и сейчас мне гораздо больше понравился ход его мыслей.

— Поднимай людей.

— Клан! — вялая реакция шести десятков измотанных мужиков на окрик сержанта. — Утрите слюни и просыпайтесь, привал окончен! Остался последний рывок, и мы снова окажемся дома, соберитесь с силами и на запад, бегом! Бегом!

— Бегом я сказал! — пусть не сразу, но отряд снова начал набирать привычную скорость походного марша. Стараясь хоть как-то приободрить верных мне воинов, я не упустил возможность вставить пару слов.

— Обещаю, сегодня мы продырявим оркам их зеленые шкуры! Со щитом или на щите!

Перебьем хотя бы часть паразитов, и гори оно синем

пламенем, — прибавил я про себя. — Лучше так, чем уйти с пустыми руками.

На этом привале впервые за долгое время остались части доспехов, пока что это были шлемы и перчатки, далеко не все могли продолжать тащить на себе всю тяжесть снаряжения. Но и орки не могли бежать вечно, уже давно пали загнанные животные, выброшены шатры и бесполезная утварь. Накаченные эликсирами по самые глаза люди, вампиры и демоны, превзошли привыкших к жаре и пешим переходам орков и их малочисленных ездовых животных, мы не оставили им ни шанса. Мы — неизбежность.

На нас пробовали нападать, бессистемно, по ночам, группами по три-четыре озлобленные зеленорожие особи. Эти поганые выродки знали толк в войне и как лучше всего подгадить нежданному гостю, они всегда подходили незаметно, для чего разжигали с подветренной стороны пучки сонных трав. И, конечно же яд, каждый клинок был настолько обильно сдобрен первоклассной отравой, что разъедал даже металл, а любая царапина могла доконать за какие-то пару минут. Триса, одна из немногих женщин наемниц в нашем отряде, первая начала собирать с этих групп трофеи. Однажды ночью ее нашли дробящей рукояткой кинжала челюсть все еще живого орка. Под одобрительные возгласы авангарда она с многообещающей кривой ухмылкой вынимала из того месива, что некогда было лицом грозного воина, окровавленные клыки.

В вольных землях это было что-то вроде неофициальной волюты. В замках баронов в любое время дня и ночи были готовы платить за такое богоугодное дело как мертвый орк, в доказательство же особенно ценились головы, о причинах догадаться не составит труда. Но и орочьи клыки трудно было спутать с чем-то иным, так что у массивного черепа есть намного более удобный и компактный аналог. К тому же любому ребенку известно, что клыки можно добыть только у трупа, а жители баронств очень уважали тех, кто делал из живых врагов мертвых. Мне не раз встречались стражники бравирующие очень милыми ожерельями, у кого из пары «бусинок», а у кого и из доброго десятка.

Но Триса не гналась за лишним медяком — нет, она забирала трофеи только у живых особей, с маниакальной монотонностью ломая кости тяжелым тупым предметом, особенно ей нравилось начинать с кончиков пальцев. У этой новой привычки есть свои основания, ее муж был в дальнем дозоре, когда голодные орки обглодали ему руки прямо на месте и унесли отрубленные ноги с собой, захватив артефактный меч и голову. Как оказалось у орков

есть свои кровавые ритуалы, что ж, после того как мы не досчитались четверых, у нас появились свои, такие же жестокие и кровавые. Будем считать обмен культурой прошел успешно.

Если сложить все наши трофеи вместе, набрался бы не малых размеров кошель, которым можно потрясти перед любым крестьянином в доказательство «большой» победы. Вся ирония в том, что если бы мне было настолько важно их мнение, с тем же успехом через третьих лиц можно скупить сколько угодно «доказательства» и сидеть дома, но нам нужна победа. И мы уже получили то, что хотели, ведь настоящие «хозяева степи», а тем более победители ни при каких обстоятельствах не удирают с таким упорством от пятидесяти шести измотанных походом воинов. Ну а по факту, мы шуганули первое попавшееся племя неудачников, походя прирезав полсотни наиболее смелых и опытных воинов и добив стариков не способных бежать — пустяк, как для нас, так и для народа орков в целом. Так что прежде чем двигать домой я решил все же догнать те остатки тараканов, что еще не успели забиться в норы.

— Подъем! Эликсиров двойная порция! Бегом! — Айн лично контролировал, как отряд давится алхимической дрянью. За последнюю неделю сложился определенный ритм, орки, что есть силы, драпали, мы нагоняли, вот же будет интересный сюрприз, когда распорядок нарушится.

— Двойная порция! Без привала, бегом! — где-то ближе к полудню повторил распоряжение Айн. От монотонности и однообразности пейзажа пропадало чувство реальности, время сужалось до двух понятий: день-ночь. Секунды, минуты, часы — все это заменяло одно действие — шаг, я сам едва заметил, когда мы наткнулись на четыре десятка точно таких же безучастных и безразличных ко всему орков.

Их резали как свиней, некоторые от усталости не могли даже подняться, не говоря уже о том, чтобы взяться за оружие. Те, кто еще был в силах сражаться, сгрудились небольшой группой вокруг тощей фигуры и только и могли, что стоять не шатаясь. Чтобы не рисковать бойцами, я решил лично покончить с недобитками магией, но был неприятно удивлен — тощий недоносок в центре оказался шаманом.

Мои парни точно также как и я абсолютно не горели желанием рисковать собственной шкурой. Да, они знали — смерть не конец, но никто не отменял боль и увечья — мы реалисты, а потому первым делом защелкали арбалеты с *особыми* зарядами. Но ублюдок-шаман не спешил умирать и уж точно не собирался бездарно терять стоящих живым щитом орков, он обратился за помощью к неизвестной, понятной только шаманам

магии духа. Худой, высохший словно щепка шаман, стоял широко расправив в стороны руки и, запрокинув голову к небесам, надтреснутым от жары и долгого бега голосом орал свои наговоры и призывая на помощь души предков.

Небо заволокло тучами, поднялся злой пронизывающий до самых костей ветер, кружащий вокруг начинающей подниматься в воздух фигуры шамана, захватывающий своими завихрениями застывших статуями орков. Здесь и сейчас происходило нечто угрожающее, темное, могущественное, непонятное. С земли поднималась пыль и клочья травы, к ним присоединялись сбитые ветром стрелы и куски вырванной почвы. Воздух гремел от нарастающей мощи, а внутри крепнущего смерча по-прежнему глухим, потусторонним голосом завывал шаман, взывая к духам, и они откликались, темными тенями мелькая в сошедшей с ума стихии. Мои заклинания тонули в этом безумстве, и нам не оставалось ничего, кроме как отступить.

— Встать за моей спиной! — перекрикивая вой зарождающегося урагана, предостерег я отряд и, укрыв всех защитой, продолжил упражняться в боевой магии, как в тире. Пока я сумел выбить только первый заслон, но достать шамана не удавалось никак.

Внезапно вылетевшая из смерча бледная, почти прозрачная тень беспрепятственно преодолела защиту и, выхватив одного из бойцов, подкинула высоко вверх, прямо над нашими головами раздирая на части. Крик заживо разделываемой жертвы затих, едва начавшись, а в замен начало падать изуродованное тело, к которому жаждущий смерти дух потерял интерес. Но таких духов из смерча вырывалось все больше и больше, они кружили вокруг, не замечая препятствий, скаля прозрачные клыки и выискивая новую жертву, которой мог стать любой из нас. От них не было укрытия, не было защиты, боевые заклинания пролетали насквозь…

— Мечи! — Заорал Айн, едва тело товарища рухнуло на наши ряды, своим примером доказывая, как его клинок действует на, казалось, неуязвимого врага. Закаленная на крови демонов сталь одинаково хорошо рубит и колет не только плоть, но и дух.

Шум ветра, вой вокруг продолжали стремительно нарастать, настала пора либо разобраться с шаманом, либо…, либо потери будут ужасны. Убедившись, что пробиться сквозь оберегающих его духов почти невозможно, я сделал шаг вперед и упал на колени, как можно глубже в землю загоняя ладони. Одно из самых простых заклинаний земли, классика, но чем дальше от мага место воздействия, тем больше сил оно отнимает. Вложив большую часть резерва, я со злорадной ухмылкой наблюдал, как

из земли вырастает гигантских размеров шип и, нащупав живую орочью плоть, разом устремляется вверх.

— Олд скул, с*ка! — не удержался я, глядя на заживо насаженного, словно жука на булавку шамана, но набирающий обороты вихрь и не думал утихать со смертью заклинателя, ровно как и снующие вокруг призраки. Вот она, еще одна особенность шаманов, если процесс запущен, его не остановить, даже смерть ничего не изменит, или как в моем случае, опасность становится только сильней, когда призрак самого шамана вливается в царящее вокруг безумие.

Если бы я не был демоном, а на нас не накинулись души — мы бы точно остались гнить в этой проклятой всеми богами степи, но что такое души для пожирателя душ? Еда! Я кинулся вперед как голодный волк, хватая и развоплощая призраков, разыскивая того единственного, что устроил весь этот бардак. Из-за моей тупости и желания увидеть в деле шамана обезображенным трупом падал очередной доверившийся мне воин. Неуязвимыми для духов оставался только низшие, с ног до головы закованные в изготовленную гномами броню и я, кого как огня боялись даже мертвецы. Именно мы вшестером и были тем костяком, той силой, что все еще держала призраков на почтительном расстоянии от менее защищенной части отряда. И плевать, что вся степь узнает кто на самом деле вышел на охоту, я хищник, они — всего лишь жертвы.

Количество призраков таяло, а сила, удерживающая столько душ в мире живых, иссякала, старания и смерти одного заклинателя было мало. Их хватило примерно на десять минут, десять нескончаемых минут безумия, за которые в доминион вернулось шестеро, но и мы не остались в долгу, никогда больше в этот мир не смогут быть призваны десятки орочьих предков, в этом я абсолютно уверен. Но что было, если шаман был не один, если бы они объединили свои силы? Не важно, легкомысленно отогнал я витающую мысль, именно орки оказались в дерьме, а мы в шоколаде. Вот только как-то подозрительно пахнет тот шоколад…

— Айн, переформируй десятки. Мэд, на тебе сбор трофеев. Мэд? Мэд! — Из-под одного из тел раздалось сдавленное ворчание, после чего оно было отброшено в сторону и миру предстал порядком помятый обрушившейся сверху тяжестью низший. Но я-то прекрасно знал, что такая мелочь ему абсолютно по барабану и не встает он исключительно из-за того, что ему банально влом.

— Встать! Ленивая сволочь, — я с силой пнул Мэда по ребрам, сбрасывая злость на нерадивого слугу и нервное

напряжение прошедшего боя, из-за чего раздался противный лязг бронепортков о нагрудник. — У тебя две минуты на сбор трофеев! Бегом! — Откатившийся в сторону чтобы смягчить удар низший подскочил как ужаленный, уж кто-кто, а он точно не был дебилом и прекрасно понимал, насколько мы наследили и насколько далеко оказались от баронств, плюс ему совершенно не хотелось узнать, во что может вылиться мое раздражение. Охота закончена, пора возвращаться домой.

Глава 3. Охотник становится дичью

— Я пришел к тебе из сказки.
— Из какой?
— Из доброй.
— Выгнали?
— Да…,

И все-таки мы засветились. К концу первого дня после устроенного шаманом фейерверка в трех направлениях позади мы заметили пыль. Но степь не пустыня, здесь не бывает песчаных бурь, а значит это не что иное, как любопытные зеленые рожи, сбежавшиеся посмотреть на причину и сплясать на костях нарушителей после обильного пира. Но отряд так легко не взять, единственное, чему нас с особым тщанием обучили орки, так это без следа растворяться в степи, вот и посмотрим, насколько хорошо мы усвоили данный урок.

— Айн, — я позвал своего слугу. — Сейчас разбиваемся на десятки и расходимся, в полдень десятки делятся пополам и снова расходятся и так далее. Все трофеи и оружие убитых разделишь между братьями, вы уходите первыми.

— Да, повелитель.

— Это не все. Я не хочу, чтобы ни у кого даже в мыслях не было притащить к моему баронству тот паровоз, что за нашими спинами, для этого есть соседи. Хотя нет, к соседям тоже не стоит, они могут обидеться …

— Приведем их к границам империи, княжеств и эльфийских лесов.

— Схватываешь на лету, — похвалил я Айна за сообразительность. — Если кого-то схватят, причем неважно где, для орков виноваты империя и княжества, для эльфов виноваты орки, для людей все выше перечисленные, главное ни слова про…, ну ты понял. Если в равнины хлынет лавина орков мы не при делах.

— Кхм…, — кашлянул Айн, скрывая улыбку, — будет исполнено, повелитель!

И нечего пялиться на меня такими глазами, основное правило разумных созданий «не гадить там, где живешь», соблюдает любое мало-мальски разумное общество, да и что-то не горю я желанием расхлебывать результаты «славного похода» — выжил и ладно. Удивительно, как быстро перехотелось возвращаться домой принцем на белом коне, стоило только на горизонте замаячить сразу трем стойбищам. Я не трус, не подлец

и не политик (хотя последнее все больше синоним), мне банально не нравится перспектива того, что может натворить орда людоедов в землях, где все еще продолжают возводиться укрепления. Рабочим однозначно… не поздоровится.

Ну а пока на меня косо смотрит добрая треть начавших исполнять приказ бойцов, я старательно готовил исконно эльфийские национальные сюрпризы для наших преследователей. Ядовитый плющ для «босяков» и без копытных, кротовые норы для верховых животных, в которых без труда переломает ноги даже орк, стальная трава, по ней не очень-то побегаешь, и это только начало довольно длинного списка, который вынудит преследователей снизить скорость и собрать раненных. Ни одна из этих ловушек не станет смертельной, насколько я помню, испокон веков известно, что самая страшная обуза отряда — раненный товарищ. Об этой грязной изнанке войны не принято говорить, но не зазорно использовать, особенно если речь идет о выживании подчиненных, а в мозгах командира есть хоть капля здравого смысла.

Орки

В большом походном шатре собрались трое вождей одних из самых больших племен тех степных орков, чьи стойбища кочуют в непосредственной близости от границ людских земель. Эти три, без сомнения самых достойных и самых авторитетных вождя собрались не ради веселья, не ради объединения в одну большую орду для набега на земли людей, а чтобы обсудить стратегию совместных действий против нарушителей.

— Догнать! — возбужденно кричал первый.

— Убить! — вторил второй.

— Съесть! — Поскольку последнее не было возможным без первого и второго, подвел итог третий, самый массивный и авторитетный орк ГныхНах.

Как обычно на этом совет племен бы и закончился, ведь это были самые сильные, ловкие и амбициозные особи, словом, делом и битвами доказавшие право приказывать более слабым. Но как не редко случается, недовольных слабых оказалось больше, и в этот раз с их мнением пришлось считаться, что не прибавляло вождям удовольствия.

— Спросим Грыма! — прожевав кусок хорошо прожаренной человечины, заявил вождь ГныхНах

— Спросим Грыма! — поддержали вожди, запивая лучшие куски деликатесного мяса ядреным орочьим пойлом.

Упомянутый Грым гнилозуб был тем редким исключением, когда вождем становился не лучший воин, который мог с легкостью набить рожу любому соплеменнику, доказывая свою правоту, а самый настоящий, хоть и слабый, шаман. Шаман, который не гнушался помимо регулярных плясок с бубном и беседами с духами порубить врага топором. А еще через его толстую орочью лобную кость умные мысли пробивались не в пример чаще, чем у присутствующих в шатре вождей. Даже не смотря на то, что в последние годы стойбище Гнилозуба переживает не лучшие времена и в минувшем набеге лишилось половины воинов, с его мнением продолжали считаться именно из-за мудрых советов.

— Грым советует отступить, таково мнение Грыма. — Но как только смысл последнего слова достиг ушей славного вождя ГныхНаха, он с ревом вскочил на ноги, опрокидывая старательно приготовленные поваром яства.

— Грым слаб! Грым лишился лучших воинов и единственного шамана! — разъяренный, не привыкший, что ему смеют перечить, великий вождь шагнул к своему собеседнику и с силой двинул кулаком в челюсть. — В стойбище Грыма только женщины и дети, нет стада, нет еды, нет воинов, чтобы воевать! Грым слаб!

Покачнувшийся от сильнейшего удара Гнилозуб и без того знал, что у его племени настали тяжелые дни. Зато в нем много женщин, намного больше, чем у любого из здесь присутствующих, а еще больше детей. Не пройдет и пяти лет, как появятся новые воины, родится еще больше детей, которые тоже станут воинами, а подрастающий внук станет Велики шаманом! Скоро племя Грыма воспрянет и тогда ГныхНах пожалеет, что оскорбил его! А еще Грыму надоело, что последние остатки его воинов идут впереди и гибнут ни за что в ловушках мага нарушителей, в то время как воины остальных племен плетутся сзади. И кто из них слаб?!

— Племя Грыма уходит. — Твердо заявил Гнилозуб с вызовом глядя прямо в глаза ударившему его ГныхНаху, показывая, что в нем нет ни капли позорного страха.

— Племя Грыма слабое и никуда не пойдет. — Сопровождавшие его в шатер воины подхватили гордого орка за руки, не давая возможности воспользоваться боевым топором, а уж тем более начать призывать духов. Да и мало какие духи согласятся убивать собственных потомков.

— Мы позаботимся о твоем племени, — заявил один из вождей.

— Разделим женщин между лучшими воинами! — с ухмылкой подтвердил второй, словно действительно оказывал

Гнилозубу услугу, а не лишал того не только чести и статуса, но и самого дорогого, что есть в племени — матерей.

— Потомки отомстят! — глухим звериным голосом прорычал Грым, опрокидывая одного из держащих его воинов и выхватывая топор. — Мы отомстим! — можно было разобрать в его рыке, когда топор превращал голову второго держащего его орка в осколки костей, соединенные зеленой кожей и обильно сдобренные кровью и кусками мозга. Грым-Гнилозуб был хорошим воином и неплохим шаманом, если бы его не застали врасплох, он убил бы не меньше троих! Но сзади по затылку подло ударил третий сопровождавший его орк, и он потерял сознание.

— Ублюдки Грыма пойдут первыми, ГныхНах Великий Вождь и бережет своих воинов!

— ГныхНах Великий Вождь! — подтвердили рассудительность и главенство ГныхНаха в этом походе остальные вожди. Благодаря ему, потеряв только одного воина, каждый из них получит треть женщин стойбища Гнилозуба, и им не придется больше плестись, ожидая, когда обнаружат очередные ловушки, с этим справятся пущенные вперед старики и дети. Вождям не нужны внутренние распри потомков Грыма, ГныхНах рассудительный вождь!

P.S.// Убогое средневековье, говорите? Почитайте новости, выгляните в реал — средневековье всегда с нами.

Барон Анст

— Трис, тебе придется уйти, — предупредил я одну настырную особу, которая не могла отказать себе в удовольствии наблюдать, как об мои сюрпризы самоубиваются орки. Единственное, что ее огорчало, так это невозможность собрать трофеи своего господина. Хотя, на то, чьи это трофеи ей было плевать, даже если орк сам свернул себе шею, она все равно не упустит момента осквернить его останки.

— Не могу понять, что они делают? — стоя рядом со мной на холме и вглядываясь вдаль, игнорировала мои слова Трис. — Кажется там дети…, но убивать стариков и детей позорно.

— Зато легко, — заметил я, — это же орки. — Как будто данная фраза хоть что-то могла объяснить.

— Они не успокоятся, пока не уничтожат прикрывающего отход мага и ради этого готовы на все. Пора разделиться, Трис, возможно ты еще сможешь выжить.

— Не говорите так, повелитель, я буду с вами до конца! — с

вызовом заявила Трис.

— Ты слишком много болтаешь, — нахмурившись, ответил я. Нет, я только за, если мою спину прикроет опытная наемница, вместе мы выиграем больше времени для остальных, но мне претит, что она прячет за красивыми словами месть за наших погибших.

— Вы всерьез надеетесь, что я пропущу этот бой?

«Бой, или шанс отомстить?» Но вслух ответил совершенно иное.

— Я надеялся, что мне не придется тратить время на твое воскрешение.

Трис проверила, как из ножен выходят мечи, — можете на меня положиться, моя смерть дорого им обойдется.

Я потерял интерес к нашему разговору, раз уж так хочет участвовать — пускай, она знает, чем все закончиться. Орки приближались. Впереди бежали десятка два стариков и несколько подростков, что еще сохранили конечности после ловушек. Многие были ранены, те, кому не повезло больше падали, но бегущие следом не думали сворачивать, ноги воинов, лапы и копыта ездовых животных…, у упавших не оставалось шансов… Дикари с голыми торсами, тупые степные орки.

Мне было неприятно убивать бегущих впереди. Чем ближе они были, тем больше становились похожи на жертвенных овец — ободранные, избитые, безоружные, они производили жалкое впечатление. Видимо, у орков есть своя политика и свои способы с пользой избавляться от неугодных, но первое мое заклинание было направлено отнюдь не на смертников, а за их спины. Если эти смертники кому-то так сильно мешают, может мне они не враги? Простая логика, да и не читается на лицах жертв любови к едущим по их телам воинам.

В момент, когда бегущие почувствовали ветер свободы, в их глазах появилась надежда. Если стоящий впереди маг не убивает их, а сзади ждет смерть, остается бежать и они бежали, рвали жилы, отдавали последние силы, чтобы поддержать бегущего рядом, но двигались вперед. Я руководствовался принципом «враг моего врага» и не торопясь отодвинулся в сторону, пропуская беглецов в стороне от себя. Не думаю, что они решатся остановиться и напасть, ведь кто бы ни победил, их ждет одно — смерть, зато но если выживут… Орки мстящие оркам, что может быть прекраснее? Только ради этого стоит рискнуть. Но что меня действительно беспокоит, это шаманы, вернее их количество, учитывая с каким трудом и потерями мы выбрались в прошлый раз, будет глупо себя ограничивать. При виде всей это живой мчащейся толпы, меня наполнял азарт, впервые я решил

развернуться на полную и показать дикарям, кто новый хозяин степи!

Секунда, и мои глаза наполняет первозданная тьма. Вторая, и повинуясь жесту правой руки орк, бегущий с топором, поднимается в воздух, роняя оружие и хватаясь за горло. Секунда — противный хруст дробящихся в пыль позвонков и первая душа отправляется в копилку. С левой руки срываются иглы, пробивающие крепкие орочьи черепа и сразу пять душ устремляются к своему убийце.

Не обращая внимание на потери, орки прут единой толпой, задние давят на передних и у тех не остается выбора, как снова и снова отдать мне свои сущности. Я доволен, опьянен силой, до меня остается меньше сотни метров. Эльф… Эльфа больше нет, на его месте окутанный защитой из тьмы и хаоса стоит готовый ко всему демон! Где же шама… — Не давая возможности закончить мысль, на мир опускается темнота.

* * *

— Что за…? — спросил я сам себя и сделал шаг в пустоте.

— Млять! — выругался я, когда ударился о преграду, — да что за…?

— Трис! — осторожно позвал я, но не дождался ответа. Где я? Что происходит?! Триса?!

— Здесь кто-нибудь есть?! — тишина была мне ответом

— Эй! — тишина… Я продолжил наощупь обходить преграду в поисках выхода, но лишь безуспешно бродил по кругу, ни дверей, ни выступов, только холодные гладкие стены.

— Как я здесь оказался? — вопрос был риторическим, потому, как вокруг не было никого кроме меня.

Я прекрасно помнил бегущую навстречу орду, как приятно убивать и безнаказанно забирать души… Это наказание? Боги? Шаманы? Я слепо бродил, шаря рукой вдоль барьера, секунды ошеломления и паники прошли, пора выбираться. Первым делом в ход пошел старый добрый металл, который с успехом выбивал из преграды искры и слепил привыкшие к темноте глаза. Но на месте, над которым я старался в поте лица, не осталось и царапины. Если бы это были шаманы, то меч должен был навредить чарам…

Следом в ход пошла магия, для начала простейший светляк, которым следовало воспользоваться сразу, а как конец эксперимента — от стен черного цилиндра, в котором я находился, отражались любые проклятья.

Нужно подумать. Не обнаружив разницы между здесь и там, настолько все было похожим, я сел прямо на том месте, где стоял, облокотившись о стену. Попытался призвать Айна, вернуться в доминион, но к своему ужасу не обнаружил ставшей такой родной силы. Все, что получалось, это в шоке продолжать сидеть на жопе и хлопать глазами — мои возможности, моя сила, моя тьма, все то, что делало меня мной исчезло… Как такое возможно? Возможно ли? Ведь тьма и есть я. Я снова позвал ее, и получил неожиданно слабый отклик, а затем на меня обрушились черные стены темницы, пытаясь пожрать, раздавить, утопить в вязкой темноте своего единственного узника. Я кричал, брыкался, отчаянно пытался выбраться. В ход пошло все, что могло повредить вышедшей из-под контроля силе, пока я, наконец, не понял, — это бесполезно. А после пришло понимание, что я отталкиваю, жгу и разрываю на части кусок самого себя…!

— Глупая-глупая тьма, — истерически и с каким-то облегчением рассмеялся я, — ты это я, мы одно целое! — Я перестал бороться и вобрал в себя такую родную темноту.

Мне давно не было настолько больно и плохо, болела каждая клеточка, каждый сантиметр тела, даже не тела, а того, что пребывало внутри. Я сам едва не убил себя… Эта мысль, как раскаленный гвоздь вошла в мозг, заставляя забыть о чувствах, наплевать на эмоции, меня обманули, запутали… Чертовы орки! Ринувшись вперед, я снова уперся в стену, на этот раз стену божественного света.

— Свет, ну ты и дэбил! История с тьмой тебя ничему не научила?!

На этот раз было иначе, свет не только пытался уничтожить меня, но и первозданную тьму, что меня защищала, это был уже не мой бой, а долгое, безжалостное сражение двух антиподов. Свет обволакивал, выжигал, уничтожал, но тьма была со мной много больше, ее самой было больше и свет стал проигрывать, угасать, поддаваясь сгусткам разъяренной тьмы. Они рвали друг друга, уничтожали, а вместе с ними страдал и умирал я. Меня заживо разрывали на части сошедшие с ума силы, я не выдержал и закричал.

— ХВАТИТ! — заорал я, и стало немного легче, сквозь пелену страданий и боли я увидел свои свет и тьму, они все так же продолжали сражать, но вяло, словно у них отняли единственную причину уничтожить друг друга. Пользуясь моментом, я впитал в себя их обоих и едва не упал на колени, ощутив весь ущерб и раны, что они нанесли себе, мне, нам…

— Свет, тьма. Инь-Янь, — я снова ломанулся к барьеру и уткнулся лбом в неподвижную преграду, — но, не смотря ни на

что, нас стабильно окружает хрень.

В этот раз барьер был прозрачным. Нет, я не мог различить образов, но возможность различить хоть что-то, даже это малые изменение в моем узилище дарили надежду. А еще я начал слышать. Это были глухие, малопонятные и неразборчивые звуки, но ясным стало одно — тюрьма не сможет меня удержать! Я снова набросился на барьер, сейчас со мной была тьма, и был свет, пусть нас обманули, стравили, пусть мы измотали друг друга, но вместе по-прежнему остаемся сильны. Так что же за голоса там, снаружи?

Я прислушался…

Глава 4.В гостях у орков

Сегодняшним вечером старейшины орков снова «пригласили» человеческого мага Криса присутствовать на совете. О, как же яростно он ненавидел эти минуты! Может для рядового орка это и могло казаться почетным, но Крис был готов бежать каждый раз, когда в его каморку заходили пятеро вооруженных охранников. Но он терпел, старательно следил за речью и держал себя в руках, точнее у него попросту не оставалось иного выбора. За прошедший месяц последние остатки гордости пришлось засунуть настолько глубоко, насколько это позволила совесть и протолкнуло желание жить. Орки не любят чужаков, вернее любят, но в виде мяса, и неважно насколько хорошо оно приготовлено. Единственное, почему Крис был все еще жив — это потому что он маг и смог заинтересовать совет старейшин.

На этот раз орки снова привели его в небольшую пещеру, привычно, даже как-то лениво ударили древками копий в сгибы коленей, вынуждая опуститься на четвереньки, и уткнули лицо в одну из вонючих шкур, которые устилали все вокруг. Трудно представить, сколько сотен орков проходит здесь за день, при том, что ни один из них не признает обуви и все, без исключения, справляют малую нужду в любом месте, где та их застигнет. Поначалу такое отношение к своему жилью повергло Криса в шок, но это было до того, как он узнал, что сантиметр грязи для орка не повод помыться, а два отвалятся сами, успокаивало только то, что гадили они в одном и том же месте.

По самым скромным подсчетам, в сети подземных пещер жило не менее пятнадцати тысяч особей, не считая тех десятков кочевых племен, что появлялись здесь для торговли. Точную численность орков не знал никто, даже сами орки, как подозревал Крис, оперировать такими большими числами для них непосильная ноша и верный признак больной головы. Но время шло, маг все также стоял на коленях, легкие начинало жечь огнем, настолько хотелось сделать вдох, а ему все не позволяли поднять голову от грязной, засаленной шкуры. Еще немного и кислородное голодание победит брезгливость, а тогда придется вздохнуть, и не факт, что не стошнит, но обошлось. Видимо сопровождающие его орки решили, что должное уважение оказано, и можно предстать перед взором великих.

Подняв под руки человеческого мага, стражи сопроводили его в следующую пещеру, где, рассевшись в кругу, пребывали самые старые и самые опытные из народа орков. Лицо Криса снова оказалось уткнуто в подстеленные шкуры, но в этот раз могучая

орочья лапища еще более старательно и качественно впечатала его в жесткий мех. На удивление в этот раз шкура оказалась чистой, у мага даже закралась пара теорий, как вообще возможно появление чего-то чистого в орочьем логове. Но смело отбросив возможность стирки, Крис пришел к выводу, что подстилку под «древними реликтами» иногда меняют.

Почему маг терпел к себе такое отношение со стороны дикарей? А главное, как и зачем он здесь оказался? Ответ прост. Существует такая очень важная и нужная профессия — защищать свою страну, но подобно монете у нее есть оборотная, неприглядная сторона — не взирая на принципы, талантливо гадить на чужую. Этим непростым делом в настоящее время занимался Крис, и ему было прекрасно известно, сколько агентов до него бесследно сгинуло в этих пещерах. Но усиление империи, строительства крепостей в вольных баронствах, эльф, принявший дворянский титул и гномы руководящие работами сулили огромные проблемы более мелким королевствам. Если эти расы заключат союз и обезопасят границы империи от набегов орков, если вольные баронства вольются в ее состав, единственное логичное направление для расширения границ империи и набегов орков станет его родина.

С этим можно легко покончить, перессорив империю, эльфов и гномов, для этого всего лишь нажно уничтожить представителей последних. Эльфы, как обычно примутся мстить — у них это одно из любимейших развлечений, у гномов будет повод задрать цены на товары, а шанс набить карманы алчные коротышки не упустят никогда. В итоге империя получит по носу и успокоит амбиции императора на ближайшие два-три десятка лет, всего и требуется, что подтолкнуть орков к большому набегу и не оставить следов, ведущих к родному королевству. Для этого-то Крис и терпел вонь и сырость пещер, скудную дрянную пищу, презрение, насмешки, угрозы, а взамен передавал оркам любую полезную информацию о вольных баронствах, способную расшевелить это осиное гнездо.

Крис и близко не был воином, зато неплохо разбирался в политике и менталитете дикарей, а потому мастерски плел словестные кружева, выставляя в глазах старейшин вольные баронства как причину всех бед. Вчера в них появились гномы и эльфы, сегодня они строят пограничные крепости, потери кочевых племен растут, добычи все меньше, а что будет завтра? Крис прекрасно понимал, что в степь ни один разумный не сунется еще, по меньшей мере, пару тысяч лет, но если баронства ощетинятся крепостями, орки заинтересуются соседними землями, теми, на которых он родился, как наиболее

доступными. А чтобы этого не произошло нужно так подать факты, чтобы самый тупой зеленорожий ублюдок понял, что народ орков притесняют и лишают законной добычи!

Вот такая не простоя задача в полный рост стояла перед стариной Крисом, и он понемногу справлялся, по крайней мере, орки намного чаще стали «навещать» баронства. Те, в свою очередь, набирали войска, чтобы выжить и регулярно давали прикурить оркам, все шло своим чередом, понемногу свою критическую массу набирал конфликт, все было как надо. А буквально несколько дней назад Крис ощутил слабые отголоски магической битвы темного мага и шамана. Его почти сразу же притащи к старейшинам и по традиции «вынудили» поделиться информацией. Естественно, он не знал абсолютно ничего, поскольку вот уже месяц не покидал пещер и не получал ни единой весточки со стороны, зато поведал старейшинам обо всем!

И каково же сейчас было его удивление, когда слова о карательном рейде не только оказались правдой, но и подтвердилась чертова куча его откровенно бредовых фантазий! Это был триумф! В эту минуту ему доверяли во всем, с сегодняшнего дня больше не нужно постоянно пребывать в напряжении, быть постоянно начеку, опасаться каждого шороха, вздрагивать при приближении любого орка, можно не опасаться быть заживо съеденным — он «доказал» свою осведомленность и полезность совету. Сегодня его, Криса, как гостя народа орков(!) приглашали присутствовать при принесении в жертву плененных шаманами участников рейда. Если бы от постоянного напряжения и переживаний оставались эмоции, если бы он не перегорел, не переступил через свои привычки, Крис бы, несомненно, обрадовался, но в его душе только что ослабла сжатая до предела пружина безысходности, и он всего лишь расслабленно выдохнул:

— Получилось…

И именно эту фразу первой и услышал приготовленный к смерти лежащий на каменной плите эльф. Меж тем одна из сидящих в кругу фигур старейшин едва заметно качнулась.

— Старейшины помнят. Ты говорил, эльфы и люди объединяются против орков, мы верим тебе, человек. Верим и не станем убивать. — Тихий, вкрадчивый, но привыкший к повиновению голос совета вгонял Криса в уныние.

— Шаманы народа орков умеют работать с духами, но даже мы не смогли полностью одолеть засевшее в этом эльфе зло, — продолжил голос, эхом отражающийся от стен пещеры, и невозможно было определить, кому из старейшин он принадлежит.

— Эльф и злой дух…

— Они слились воедино!

— Но мы сумели его обмануть/ввести в заблуждение/ запечатать! — У Криса по телу пробежали мурашки, он недолюбливал эту манеру вести разговор, что предпочитали старейшины. Может это и могло произвести впечатление на тупорылых орков, но не на мага!

— В таком случае со смертью носителя «злой дух» вернется обратно в ад, — через силу выдавил Крис, стараясь не только казаться собранным, но и быть таковым.

— Да. *ТЫ* убьешь его.

— Докажешь, что *достоин* быть рядом с орками! — Криса пробил холодный пот. Убить эльфа?! Каким-то шестым чувством все эльфы чувствуют кровь перворожденных и виновных в их гибели, это как нарисовать на спине яркую мишень для убийцы, который не промахивается никогда… Маг еще не знал ни одного случая, когда расплаты за убийство первородного удалось избежать. Не успел он обдумать и половину последствий, как к его ногам упал грубый ритуальный нож.

— Докажи! — с угрозой покатился по пещере угрожающий голос старейшин.

Руки мага дрожали от нервного напряжения, он старался держаться, но полумрак пещеры, нависший над головой тяжелый скалистый свод, семь сгорбленных, закутанных в тряпье фигур старейшин незримо давили, угнетали мага. Чтобы выжить и довести дело до конца ему не оставалось ничего, кроме как подчиниться, поднять кинжал и подойти к лежащему на каменной плите алтаря телу. Если он убьет эльфа, то станет изгоем, любой, кто об этом узнает, предпочтет не иметь с ним ровным счетом ничего общего, чтобы не навлечь на себя беды, а встреча с первым же первородным станет для клейменого мага последней. Проклятые орки знали, как обрубить все нити, связывающие его с родным домом, но от этого он не перестанет быть ему верным! В сердце эльфа воткнулся кинжал.

Анст

С минуту ничего не происходило, абсолютно, не было ни страха, ни боли. Если бы я не знал, что говорят обо мне, подумал бы, что все происходит не со мной, не должно происходить со мной. Пробитое сердце отказывается биться, оставшееся в ране лезвие не допускает и намек на регенерацию. Вскоре у клеток тела начинается кислородное голодание, и вплетенные в вены мышечные волокна начинают сокращаться, гоняя по телу

застоявшуюся кровь. Замершая было грудная клетка снова начала вздыматься и опускаться, прогоняя через легкие кислород — мой организм прекрасно знал, как сохранить свою функциональность, в свое время я не плохо над ним поработал и контроль был излишним.

«Вот хрен вам всем! Выкуси сцука! От такой херни как заноза в сердце я не сдохну никогда!» — Вонзивший в сердце ритуальный кинжал маг растерянно хлопал глазами и не знал как реагировать на живучую жертву, которая никак не желала подыхать на радость собравшимся. Он даже повращал нож в ране…, ссука…, но добился только нескольких выступивших капель крови. «Что не умирает?» — злорадно поинтересовался я. — «Дайте мне время, и я лично выпущу кишки каждому из присутствующих! Как только нож будет извлечен, запустится регенерация и за пару часов сердце будет в полном порядке». Но умом-то я понимал, положение не из лучших.

Удивленный маг, вынул кинжал из сердца и с размаху всадил его в голову, пробивая височную кость. Как правило, для живых это был идеальный аргумент, чтобы затихнуть навсегда, что там, даже для простейшей нежити этого было вполне достаточно для упокоения. Мозг больше не подавал сигналы органам, дыхательный рефлекс перестал существовать, грудная клетка замерла, а телу снова стало грозить разложение. Но вместо этого в крови начался процесс электролиза и выделения кислорода, моя тушка опять упорно отказывалась подыхать, а у мага, похоже, случился приступ зависти, когда легкие заработали после изъятия инородного предмета из моего многострадального мозга.

— Как долго продержится защита? — позабыв обо всем, с трепетом спросил маг.

— … — непонимающе молчали старейшины.

— Как долго «злой дух» будет заперт? — поправился он.

— Годы! — с гордостью ответил доносящийся со всех сторон, недоумевающий над случившимся голос.

— Я обязательно должен все изучить…

На этот раз Старейшины долго сохраняли молчание, сейчас даже они не могли объяснить, что происходит, ведь прежде подобного не случалось никогда, и любое, абсолютно любое живое существо покорно отдавало жизнь алтарю. Ничему живому не чуждо любопытство, а, несмотря на преклонный возраст, старейшины были все еще живы, а потому не удивительно, что они удовлетворили просьбу мага.

— Изучай, — донеслось отовсюду.

«Что?! Я не лабораторная крыса, чтобы меня препарировать! Я слишком молод, чтобы подыхать!» — но никто меня не слышал.

Пожалуй, в такой заднице я оказался впервые…

* * *

Отступление, Крис.

После того, как эльфа перенесли на нижние уровни, где в загоне своего часа ждало пленное «мясо», любопытный маг начал исследовать предел подопытного… тела. Нет, это было не праздное любопытство, вернее не только любопытство, здесь была замешана еще и зависть. В ход пошли порезы, которые быстро затягивались, колотые, рваные и рубящие раны, ожоги, переохлаждения, переломы, яды. Он даже позволил дежурному палачу вырезать понравившийся кусок мяса для трапезы. Дело дошло вплоть до заклятия быстрого старения, но эльф жил, а маг дрожащими от восхищения руками не останавливаясь делал пометки в своем блокноте. А эльф, тем временем, продолжал подрагивать всем телом в медленной агонии. Медленно иссыхали и рассасывались мышцы, кожа становилась пергаментно тонкой, ярко выраженно начали выступать суставы и ребра. Организм пожирал сам себя в попытке удержать жизнь своего хозяина, еще немного и она бы покинула это изможденное до предела тело, но маг нашел в себе силы остановиться. Он не мог поверить собственным глазам. Кто? Кто настолько искусно смог изменить обычного эльфа, чтобы сделать это совершенное создание воистину бессмертным?

В душе Криса горел азарт, многое из того, что сегодня увидели его глаза, применить на себе он не сможет никогда, не тот уровень, но кое-что удалось усвоить. «Злой дух» запертый внутри, или же скорее демон, которого бездарные орки упорно именуют тьмой — кроме него ни кто не смог бы сотворить подобное, а значит и ответы стоит искать не столько на лабораторном столе, сколько в круге призыва. Придя хоть к сколько то удовлетворительному итогу, Крис в очередной раз начал проверять состояние подопытного и разнообразия ради сделал это «по старинке», как, бывало, делали знахари. Вначале маг нащупал пульс, а затем понаблюдал, как мерно поднимается и опускается при дыхании грудь — на удивление все было в норме.

На последок подняв присохшее к коже веко, Крис в ужасе бросился в сторону. Светло-зеленые эльфийские глаза, казалось, смотрели в самую душу, настолько глубоко, что спину пробирал могильный холод, эти глаза… они смотрели с холодной

ненавистью, как на врага, который неминуемо должен стать пищей. Подобный взгляд он видел лишь однажды, на боях, когда обезумевший от побоев и голода пес рвал на части своего хозяина. Тогда вместо грызни двух волкодавов разыгралось совершенно иное действо, а у того пса был именно такой пронизывающий безумный взгляд расчетливого убийцы. Маг ополоснул лицо водой из стоящей в углу бочки, прогоняя наваждение.

«Это неподвижная оболочка, овощ, который не в состоянии пошевелить и пальцем», — успокаивал себя маг. «Но боги, что же за тварь запечатали в этом теле старейшины, если даже тень его присутствия нагоняет ужас?» — про себя думал Крис. Но желание понять, как бесконтрольная плоть может так быстро, а главное правильно регенерировать, занозой засела в голове, а зависть распространялась по венам, как вирус. И исключительно чтобы успокоить расшатавшиеся за время пребывания в пещерах нервы, Крис нацепил на шею эльфа ошейник, что обычно одевают на заключенных магов, когда хотят, чтобы они и дальше оставались заключенными.

— На сегодня я закончил. — Сказал маг палачу орку и удалился.

* * *

Анст

Я научился смотреть на мир отстраненно, сквозь призму безразличия, словно все плохое происходит не со мной, не панацея, конечно, но мне помогало. Находиться запертым в ловушке, знать, что твое тело медленно приближается к пределу и не иметь ни единой возможности помешать — это может свести с ума, если на этом зациклиться. Из меня сумели сделать подопытное животное, и кто? Тупые орки! А в настоящий момент они упорно ищут наилучшее средство, чтобы окончательно меня добить. Ну, млять, извините, что разочаровываю! Я как бы немножко бессмертен! Так. Спокойнее, Анст, спокойнее, месть — это блюдо, которое принято подавать холодным.

Не все так безнадежно. Если, конечно, не брать в расчет время, что я бездумно бился лбом о преграду, то решение нашлось довольно быстро, его подсказали сами орки — они запечатали некий «злой дух». Скажем так, зло и вправду осталось внутри барьера, зато все остальное медленно, с величайшим трудом, но просочилось наружу! Такое чувство, что большая часть

меня откололась, утрачена навсегда. Секунду назад я был целым, и вот мгновение спустя я лишь тень себя прежнего, но свободная тень! Для себя я решил, что бессмысленно брызгать слюной и изрыгать проклятья, когда есть намного более важное занятие, куда можно приложить энергию. Если я выберусь… *Когда* я выберусь, мои поступки окажутся намного красноречивее не сказанных слов.

В какой-то момент мой глаз открылся, но я не приложил к этому ни малейшего усилия, хотя получасом ранее из кожи вон лез лишь бы пошевелить хоть пальцем. И увидел я не зеленую оскаленную орочью рожу, а вполне нормальное человеческое лицо. Стало быть «изучал» меня человек… Я совсем по-иному посмотрел в его глаза, посмотрел как смотрят на обреченного, чей уход за грань вопрос времени. А еще, кроме удивления в этих глазах, я увидел страх. А затем на меня надели ошейник, как домашнее животное, как на раба, затем оттащили в сторону и небрежно швырнули на каменный пол, не забыв нацепить на правую ногу цепь. Единственная хорошая новость — хотя бы это я почувствовал. Понемногу, сантиметр за сантиметром к телу возвращалась чувствительность, вначале пришёл холод каменного пола, затем зуд и боль от заживающих ран. Не прошло и часа, как я смог раскрыть глаза и осмотреться.

— Выглядишь хреново, как никогда, — привлек я внимание прикованной рядом Трис.

— … ы-ыы

— Эм…, а ты сегодня не многословна…

На это Трис снова промычала нечто нечленораздельное, открыла рот и указательным пальцем указала на обрубок языка.

— Вонючие твари! — Я потянулся к ней, короткая цепь на ноге натянулась, и больно дернуло ногу. Теперь я припоминаю чьи-то быстро оборвавшиеся крики — радикальный способ навсегда заткнуть излишне шумного узника.

— Извини, Трис, я не знал, — она беспомощно опустила голову и как брошенная марионетка повисла на вмурованных в скалу цепях.

Нет, так дело не пойдет, еще рано сдаться, еще есть шансы выбраться! Я попытался обратиться к привычной тьме, но та была надежно заперта внутри меня, я попробовал воспользоваться магией эльфа, но магия… Нет, она по-прежнему была при мне, но проклятый собачий ошейник не позволял выдавить из тела хотя бы каплю магической энергии. Но даже в таком состоянии я был намного сильнее обычного человека, вот только закрепленная в стене цепь оказалась рассчитана как минимум на могучего орка. Попавший в капкан волк отгрызает себе лапу, но ирония в том,

что я не смогу сделать даже этого, ведь грызть укрепленную магией кость можно годами. Пат.

— Сколько мы здесь? День?

— …

— Два? — утвердительный кивок.

— Скажи, ты видела кого-то из наших?

— … ы-ыыы, — раздалось негодующее мычание.

— Прости…, забыл… Мы единственные пленные? — Теперь я старался задавать вопросы, на которые можно отвечать только да или нет. Трис утвердительно покачала головой. Вспыхнувшая было надежда, снова угасла, мы оба закованы на совесть, а помощи можно не ждать. И не потому, что клан не придет вытаскивать своего повелителя, а потому, что не успеет. Остается ждать и надеяться на себя.

Глава 5. Надежда

Власть на многих действует,
как вино, дурманя мозги.

Первый звук раздался через пару часов, видимо кто-то из тюремщиков вознамерился проведать, как там поживает мясо, не сдохло ли, не пора ли на вертел? Первой пудовым кулачищем под дых получила Трис, а сдавленный полувскрик-полустон и судорожные попытки сделать вдох подтвердили, что проверка прошла успешно, и орк, как нив чем не бывало, перешел к следующему телу. Я приготовился. Старался не просто не двигаться, а не дышать, чтобы такая мелочь как движение грудной клетки не выдало мою готовность. Я ждал, ждал когда же тюремщик соизволит пнуть по столь удачно подставленным ребрам, а уж в том, что тот заявится в одиночку, я не смел и мечтать. Все шло как по сценарию: орк останавливается и заносит ногу, но вдруг пришедший в себя полутруп в момент соприкосновения ступни и своих многострадальных костей зажимает его лапищу левой рукой. Запоздалое удивление на зеленой роже сменяется гримасой боли, когда правая рука ударяет в колено, выбивая сустав. Зарычавший орк падает, а я как можно быстрее сворачиваю его толстую бычью шею, и снова тишина, лишь слышно как все еще по инерции бьется сердце тюремщика, словно забыв остановиться, не веря, что хозяин мертв, да по-прежнему хрипит восстанавливающая дыхание Трис.

Я принялся дрожащими руками обшаривать тело на предмет любой возможности снять с ноги цепь и помочь выбраться Трис, но ничего напоминающего ключ не было и в помине. Более того, не было и никакого замка, к которому этот самый ключ мог подойти, орки оказались совершенно чужды механизмам, и не удивительно, это не гномы и даже не люди. Тюремщик поступил гораздо проще, сноровисто вогнал стержень мягкого железа в петли полуколец и расплющил, намертво закрепив на щиколотке проклятый рабский атрибут. Даю на отсечение руку — Трис закована также. Зато у тюремщика нашелся отличный кинжал, хотя бы ради этого стоило ворочать эту груду мяса, отличный он оказался не в смысле качества, а своей пугающей массивностью и прочностью. Грубое изделие зеленорожих мастеров ближе к рукояти оказалось толщиной с орочий палец и шириной в орочью же ладонь, что делало из него отличнейший инструмент, чтобы вогнать в звено грубой и дрянной цепи, пока та не разойдется достаточно, чтобы освободиться. Что я не замедлил это

проделать.

Упором стала щель скальной породы. Звено отлично расположилось поперек, я вставил в него кончик кинжала и, используя вместо молотка отдаленное подобие боевого топора, добытого у все того же орка, начал вгонять кинжал в стену. Раздавались гулкие удары, режущие кромки мялись, словно были сделаны не из железа, а из податливой меди, но пока что выручала толщина клинка. Звено деформировалось, разбухало и чуть вмялось в дыру, куда я старательно забивал кинжал, из нее осыпалась каменная крошка от раздавленной ударами породы, а затем звено лопнуло.

Выдернув застрявшую цепь, я отложил в сторону измятую и пришедшую в негодность смехотворную пародию на оружие, и, позвякивая остатками цепи, поспешил к Трис. Все это время она внимательно следила за моими действиями, временами поглядывая на черный провал выхода из которого по наши души с минуту на минуту должны были набежать толпы привлеченных шумом орков. Но толи им было плевать на все, что происходит вокруг, толи они настолько привыкли к тому шуму и крикам, что частенько отражаются от каменных стен и отправляются гулять по пещерам, но в итоге никто так и соизволил узнать, что же тут происходит.

Я не обольщался и не верил в мнимую безопасность, рано или поздно сюда так или иначе придут. Придет хотя бы тот человеческий маг-ренегат, что так вольготно чувствует себя среди каннибалов и людоедов, придет, чтобы продолжить свое черное дело. Глупо было бы и дальше столь же самонадеянно звякать металлом о металл и верить, что все обойдется. Да и то, что я использовал в качестве «ключа» годилось разве что на переплавку, окончательно утратив гордый статус оружия. Пошарив вокруг, я перекантовал поближе к Трис каменную подставку с плоским верхом, на которой лежала часть пыточных инструментов, накидал на нее снятую с орка и сложенную в несколько раз одежду. Только после этого на камень опустилась растертая в кровь нога Триссы, а я прислонил к кандалам обмотанный сверху грубой кожей топор. Несколько чуть смягченный и оттого менее шумных ударов чем-то вроде кувалды, и наемница морщась потирает щиколотку.

За ногами последовали руки, и вот уже абсолютно свободная Триса, чуть покачиваясь жадно пьет начинающую пованивать воду из стоящей в углу кадки. Покрутив выщербленный покореженный топор, я с грустью признал правдивыми слухи о непревзойденных орочьих кузнецах и о том дерьме, в которое они умудряются превращать добрую сталь. Но несмотря на качество инструмента,

пришла очередь Трис помахать железом и снять с моей ноги обруч, и вскоре на мне осталась только узкая полоска отполированного до блеска металла на шее, и снять ее не лишившись при том головы не представлялось возможным.

Я сгреб в охапку все тряпки, что нашлись в пыточной и соорудил себе что-то на подобие набедренной повязки. С обувь все было так же хреново, как и с одеждой, чтобы не стереть ноги в кровь, пришлось на первое время обойтись простыми обмотками. Прикинув таким образом хоть какую-то одежду, я с не меньшей жадностью чем Трис напился противной, задохшейся воды с металлическим привкусом крови. Скорее всего именно в ней брезгливый маг отмывал руки, а затем в компании наемницы мы двинулся в темноту и неизвестность.

Шли осторожно, на каждом шагу буквально вжимаясь в неровные каменные стены и замирая, прислушивались к малейшему шороху, раздающемуся далеко впереди. Каждое движение, каждый вздох служили одной единственной цели — продвинуться на очередной метр вперед и ни издать ни единого звука. Любая оплошность, любая неосознанная реакция, будь то чих или последствия вздутия живота, могла стать последней в жизни, а я не собирался подыхать настолько позорно.

Но не смотря на все предосторожности, первый же встреченный орк появился настолько внезапно, что я невольно совершил ошибку новичка бездумно смотрящего за стремительно приближающейся смертью. На бесконечно долгую секунду я застыл в оцепенении и нерешительности. Кажется, это зеленорожая тварь вылезла откуда-то сбоку из бесконечных ответвлений коридора завешанных дубовыми вонючими шкурами каких-то животных. Этот орк был воином, впрочем как и все встреченные до этого орки, и совершенно не собирался подобно мне тупо пялиться на своего противника. За ту же самую секунду, в два прыжка он оказался рядом со мной с занесенным для рокового удара двуручным мечом…

Но в этот самый момент в мироздании произошло изменение, орк нелепо качнулся, припадая на правую ногу, взрыкнул и будто в замедленной съемке завалился набок, всего за мгновение до того, как мои мозги должны были украсить местный пейзаж элегантными брызгами. Это поработала Трис, признаться я и подумать не мог, что простым кинутым камнем можно пробить тупую орочью башку, но злоба и неистовая, звериная ненависть наемницы, которою точно такой же орк пытал на протяжении двух дней и вырезал язык, творят чудеса. В этот раз пронесло, орк снова оказался один, и даже звук падения его грузного тела, показавшийся невероятно громким в этой тишине, не привлек

ничьего внимания.

— Стой, — я чуть притормозил двинувшуюся вперед наемницу. Я был ей дико благодарен за то, что она спасла мою шкуру. Тут, млять, не реалистичная до дрожи компьютерная игра, а долбанная реальность. А самое поганое, что черта с два сейчас поймешь получиться ли начать все с начала, если конечно не считать началом реинкарнацию, которая еще не известно, толи наступит, а толи нет.

Ослабевшие, дрожащие от напряжения, пыток и усталости ноги подогнулись, и я опустился прямо на орка, медленно сползая по стеночке. Организм подбирался к пределу, к точке невозврата, когда не поможет даже хваленая регенерация. Той воды, что я недавно выпил явно недостаточно, мне нужен материал, много материала для восстановления, черт побери, мне необходима еда. Уже как-то привычно руки потянулись обшаривать покойника в поисках любого полезного предмета, способного продлить балансирующую на лезвии ножа жизнь. И за поясом у него оказалась кость, самая настоящая не до конца обглоданная кость, на которой все еще оставались куски плохо прожаренного мяса, зачем-то засунутая за ремень на манер меча, запас на черной день, не иначе. Я вцепился в нее как в спасательный круг, как оголодавший волк, готовый жрать что угодно, будто это моя последняя трапеза, хотя не исключено, что так оно и окажется. Кому это самая кость могла принадлежать я старался не думать, чтобы меня прямо тут не вывернуло наизнанку, вместо этого я продолжал насыщаться.

Долго это продолжаться не могло, запас, который тупорылый орк таскал на собственном теле быстро подошел к концу, и если я не собираюсь жрать это самое тело, делать мне здесь больше нечего. Но и идти вперед — занятие не из лучших, одному богу известно сколько зеленорожих тварей бездумно шатается вокруг, и совершенно точно одно, чем дальше, тем их окажется больше. Возвращаться назад? Чтобы не самому наткнуться на орка, как было недавно, а терпеливо ждать когда они придут сами? Глупость. Черт, это непроходимая глупость! Если хотим выбраться необходимо делать хоть что-то. Но что?

Вдвоем, уставшие и избитые мы ни что для двух-трех разъяренных бойцов — так, небольшая встряска, возможность размяться и хорошенько смазать лезвие кровью. Значит пробовать прорваться бессмысленно. Красться и пробираться — значит расписаться в собственном слабоумии, да собственно куда красться? Где выход, когда мы находимся черти где в самом центре логова орков? Это очередной способ изощренного самоубийства. Но у меня мелькнула идея, а если нас будет не

двое, а больше?! Намного, намного больше! Наверняка мы не единственные узники в этих проклятых мрачных тоннелях, у орков не может не быть заготовленного свежего «мяса», и навряд ли оно упустит шанс убраться отсюда подальше или хотя бы прихватить на тот свет парочку своих тюремщиков!

— Мы идем назад, — тихо прошептал я, беря орка за ногу и кивком приглашая Трис сделать тоже самое, не стоит раньше срока себя обнаруживать.

— Нам нужны еще руки, способные сражаться и без разницы кто это будет: человек или орк, — счел нужным пояснить я. Наемницу не пришлось уговаривать дважды, не пытаясь узнать подробности она взялась за втору ногу, и мы медленно потащились обратно к месту, откуда только что сбежали с таким трудом и где должны были содержаться узники. У нас появился план, а значит появилась надежда.

Всю дорогу, что мы волочили эту тяжеленую тушу до ближайшего поворота, заботливо складывали у стеночки и присыпали пылью, я не переставал крыть себя отборнейшим матом за все случившееся. А в особенности за то, что поверил в свою исключительность, хотя знал, прекрасно знал, что есть в этом мире и боги и чертова прорва кровожадных демонов. И не сказать что мне до сих пор не приходилось обламывать им рога и обрывать крылья, отнюдь, именно на этом я и зарабатывал львиную долю золота, по крайней мере до тех пор, пока из порталов не повалили высшие и ремесло не стало слишком опасным. Я на деле доказал, что демоны не всемогущи, они мрут и попадают в клетки не хуже самых обыкновенных людей и сам же наступил на эти самые грабли.

Я настолько привык к своей силе и возможности возродиться, если дело станет совсем уж хреново, что не мог и предположить возможно себя обмануть и пленить. Смешно сказать, убивая демонов своими руками, я до последнего не верил, что со мной можно сделать нечто похожее, а следовало бы. Но что сейчас толку кусать локти, когда случившегося не изменишь? Пора изобретать способ (как говорят на западе) вытащить наши задницы из дерьма, и для начала нужно разыскать точно таких же неудачников, попавших в лапы орков, вместе у нас больше шансов выбраться из этой вонючей норы.

Осторожно приподнимая шкуру за шкурой, что заменяли здесь старые добрые двери, мы находили все новых и новых пленников. К телам, которые начали жрать зеленорожие твари, к калекам потерявших руки и ноги, с пустыми безжизненными глазами, я не подходил…, боялся. Страшно было не то, что они опасны или же сошли с ума и стали непредсказуемы, а то, что я

точно так же мог валяться у стены, доведенный до состояния безвольного овоща. Я больше не обольщался своей волей, все мы можем какое-то время терпеть пытки и боль, но и сломать можно каждого — все зависит от мастерства палача. Знаю, милосерднее было бы их всех прикончить, быстро, без боли, оказав таким образом последнюю милость, на которую так скупы зеленорожие выродки. Но я побоялся, вернее откровенно испугался, что после их хладнокровного убийства остальные, потеряв остатки разума, бросятся на меня с кулаками и оскаленной пастью, как дикие звери, окончательно скатившиеся в пучину безумия. Вечный полумрак, вонь немытых, порой гноящихся тел, постоянный страх боли и смерти, а самое ужасное наглядный пример, что вскоре станет с тобой, разъедали разум пленников. Многие до последнего не замечали нашего присутствия, более того, даже когда с них снимали цепи, разрезали веревки эти… это мясо было способно только следовать в ту сторону в которую его толкают, не более. Лишь двое мужчин, что попали сюда относительно недавно попросили в руки оружие.

Обреченность, рабская покорность что завладела людьми поражали до глубины души, дикими кошками скреблись где-то глубоко внутри, нагнетая тревогу и страх, столько безысходности в одном единственном месте невозможно представить, это чудо, что наш маленький отряд увеличился хотя бы вдвое. В следующей камере было десятеро мужчин и трое женщин, две из которых сошли с ума и после освобождения постоянно пытались перегрызть себе вены. Было страшно, откровенно страшно смотреть на всех этих сломленных людей и при этом самому сохранить хладнокровие, но у нас есть цель и ее нужно достичь — остальное потом. В третьей камере было трое орков, но их прикончили даже раньше, чем я успел набрать в легкие воздух и остановить высохшего от голода юношу с маниакально блестящими глазами. А ведь эти трое орков были единственными, кто мог указать направление в котором стоит идти. Не думаю, что они бы попытались предать, в конце концов ничего хорошего их не ждало, а перспектива быть сожранным заживо объединяет не только разные расы, но и непримиримых врагов.

Я с силой ударил в грудь гордого собой человека, что секунду назад совершил кровавую расправу над прикованными к стене заключенными, и пока тот ошалело хлопал глазами заломил кисть и забрал из руки нож. Мне не нужны те, кто не способен себя контролировать и окончательно испортит дело, бросившись на первого попавшегося зеленорожего выродка, похоронив как себя, так и выдав на расправу всех остальных, проще прикончить его сейчас, сразу. Я полоснул отобранным ножом по горлу

излишне прыткого и старательно вырывающегося человека.

— Так будет с каждым, у кого моча вместо мозгов, — зло прошипел я, а Трис сбила с ног двоих двинувшихся на меня с кулаками людей.

— Идиоты! Кто-нибудь из вас представляет в какую сторону нам идти? Или может кто-то сомневается, что этих орков прирезали бы свои точно так же как и нас? — Тишина. Кто-то даже оживает и начинает понимать в каком дерьме мы плаваем, но половина по прежнему отупевшее от страха мясо и лишь одна женщина не преставая что-то шептала. Я прислушался.

— …рик, он убил Рика, убил, убил, убил…, — а потом она дико завизжав побежала на меня, прямо на выставленный в непроизвольном рефлекторном движении нож… Не добежала… Ее вырубили свои же, те самые, что сидели с ней в одном каземате. Едва из ее рта вырвались первые громкие звуки, как рука с зажатым в ней острым камнем молниеносно ударила в затылок женщине. Так было нужно. Так было правильно. Люди, что окончательно пришли в себя, не собирались подыхать из-за причуд обезумевшей бабы своими криками привлекающей внимание, они хотели жить. Здесь и сейчас можно было узнать что стоит каждый из присутствующих, заглянуть в самое нутро, в самые потаенные уголки сознания, кто из них готов сделать все, чтобы выжить, а кто давно себя похоронил. В полумраке пещер раскрылись такие потаенные частички души, что обычно надежно скрываются под налетом цивилизации, теперь видно кто способен сражаться и убить любого, даже своих, все что угодно, чтобы выжить и выбрать из этого ада. Да, это подлецы и удийцы, но именно с такими мне по пути, они не привлекут к себе внимание, не станут безумно орать, их рука не дрогнет в решающий момент, а остальные же… Они не нужны и опасны.

На созданный нашей возней шум поспешил заспанный, отчаянно трущий глаза здоровенными кулачищами и что-то ворчливо бурчащий себе под нос недовольный орк. Его мнение о зарвавшемся никчемном мясе мы имели удовольствие расслышать издалека и вдоволь им насладиться, лишний раз убедившись, что пора отсюда убираться. Триса убила его тихо и быстро, как умеют только самые опытные наемники не раз проделывающие нечто подобное, одно точное движение ножа и огромная туша валится на каменный пол, выплескивая фонтанчик крови из маленькой, смехотворной на этом исполинском теле ранки.

— Уходим, быстро! — прошептал я, но услышали все, после того как затих тюремщик эти слова прозвучали даже громче чем вопли несчастной сумасшедшей.

Не знаю стоило ли нам разделяться, но было бы опасно таскать за собой балласт не до конца очнувшихся, как будто сонных людей и ожидать незаметности, рано или поздно они ошибутся и тогда…, тогда я бы хотел оказаться от них как можно дальше. Меня одинаково не прельщала перспектива как быть зарезанным орком, так и уроненным на пол окончательно съехавшей с ума толпой. Я отправил их дальше по узкому коридору, в котором располагались камеры или скорее рабские загоны для скота, поскольку дорогостоящими дверьми из редкого в степи дерева никто не озаботился, предпочитая цепи, крепкие веревки да закрывающие проходы шкуры. Тот самый мужик с зажатым в руке окровавленным камнем вызвался стать старшим в новой группе, уж кто-кто, а он точно не упустит возможности увеличить свои шансы на выживание, в пару к булыжнику он получил пусть измятый, но все же кинжал, чем был весьма доволен. В его задачу входило освободить максимум пленников, в том числе орков и расправиться с недовольными и мутящими воду идиотами, уж этот подонок одинаково режущий своих и чужих не упустит возможности повысить свои шансы на выживание, скатертью ему дорога.

Ну а я с Трис и еще двумя не самыми вымотанными пребыванием в плену воинами отправился в сторону из которой пришел сонный тюремщик. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, если он вскоре не вернется, на его поиски придут другие, и лучше бы расправиться с ними раньше, чем они поднимут тревогу. Припав к земле и аккуратно приподняв самый краешек закрывающий проход шкуры я внимательнейшим образом осмотрел помещение «караулки». Расстеленная на полу подстилка, объедки, обглоданные кости, опрокинутый кувшин, вероятно в недавнем прошлом с чем-то спиртным, и трое вповалку развалившихся орков, безмятежно, с громким свистом всасывающих воздух. Осторожно убравшись в сторону я дал полюбоваться на представленную картину Трис, а затем и обоим воинам, чтобы все смогли запомнить диспозицию (расположение) и не мешать друг-другу у входа.

— Там еще как минимум двое у входа, — едва слышно прошептал один из воинов, во всей этой суматохе и хаосе, я даже не удосужился узнать его имени. Вопросительно посмотрел на Трис, та утвердительно кивнула, подтверждая правоту говорившего и показала три пальца…, значит она заметила троих помимо спящих, плохо. Я снова улегся на холодный камень пола и отодвинул край шкуры, на этот раз внимательно прислушиваясь. Так и есть, слышно натужное сопение пары глоток, какое-то шуршание и треск огня в стороне.

Примерно определившись кто и как будет действовать мы тихими хищными силуэтами ворвались внутрь. Один направился резать глотки спящим, ничего не подозревающим и продолжающим безмятежно сопеть телам, а остальные устремились к выбранным целям, каждому по своей. Нашим козырем была внезапность и скорость, ни один орк так и не успел взяться на меч или нож, настолько зажравшимися и уверенными они себя чувствовали в собственной грязной вонючей норе. Они сдохли как скот на скотобойне, мой, самый дальний, не соизволил даже повернуться ко мне лицом, так и завалившись вперед с застрявшим в черепе топором. Все прошло быстро, а самое главное без лишнего шума, что гораздо важнее любых возможным потерь.

У стены тлел небольшой бездымный костерок, над ним остывал опустевший на две трети котел, а на подстилке на полу, среди трупов, натекшей крови и обглоданных костей лежали объедки, возможно чьи-то объедки. Не стоит судить нас, мы были голодны. Вымотаны быстротечной стычкой с врагом. Голод и усталость на корню задавили брезгливость и посторонние мысли, котелок с тягучим варевом опустел за секунды, а объедки со «скатерти» были заботливо собраны остальным, тем, кому не повезло остаться голодными. По хорошему надо бы перед уходом проведать кухню, ведь между смертью и медленной агонией от голода под палящим солнцем на радость падальщикам, я бы выбрал просто смерть. Так что без запаса еды нет смысла бежать, раскинувшаяся вокруг степь сработает не хуже цепного пса, не оставив ни единого шанса.

Внезапно шкура бесцеремонно отодвинулась в сторону и внутрь шагнул завязывающий штаны орк. «Херов засранец!» — про себя выматерился я. Умудрился разминуться с костлявой, напрягаясь в сортире. Может оно, конечно, и к лучшему, будь он здесь, и мы могли бы не справиться, вот только никто не ожидал его появления, и, судя по округлившимся глазам, он отнюдь не ожидал увидеть жрущих начальственный паек заключенных. Прямо в глаз с глухим звуком ему и воткнулся брошенный Трис нож, вторым, менее удачным оказался бросок воина, его снаряд прошел по касательной так и не сумев пробить толстую лобную кость, оставляя на коже глубокую рану. А единственное, что успел за эти секунды сделать я — это взяться за рукоять топора, которым не так давно колол черепа. Вот она роковая разница между бойцом, опытным убийцей себе подобных, с малых лет привыкшим к виду крови и выпущенных кишок, и бывшим интеллигентом чуть менее пары лет назад вляпавшимся в это дерьмо.

Уходили из караулки основательно прибарахлившись металлом: шесть увесистых топоров, два меча и восемь ножей, брали все, что хотя бы в теории может защитить и убить. Если на орках была надета кожаная броня, не смотря на размер не брезговали даже такой пародией на амуницию. Трупы же так и остались внутри, их было негде прятать, а кровь…, натекшие под ногами лужи заметит даже слепой. Если не считать эти мелочи, то сходили удачно, группе «подонка», как я его окрестил, повезло меньше, они потеряли девятерых. Двоих он зарезал сам, назвав трусами и укрепляя свои качества лидера, одному свернул шею приготовленный сородичами на мясо орк, а остальные храбро сложили головы, отправляя на тот свет обходящего камеры тюремщика. Как и чем он мотивировал почти безоружное стадо броситься на вооруженного громилу орка я предпочитал не думать, вероятнее всего люди встали перед выбором, либо мертвый трус — либо мертвый герой.

Противно? Подло? А если бы увидев угрозу побежало бы не двое, а все? Часть из них убили бы в спину, часть успела скрыться, а несколько минут спустя пещерный житель звал бы товарищей на сафари (охоту за животными), глотком спиртного и каплей адреналина скрашивая серые будни друзей. Но не смотря на потери, наше общее количество увеличилось, число узников перевалило за пять десятков, среди которых нашлось место четверым оркам. На них-то у меня и была основная надежда, кому как не им знать, как выбраться из этого ада?

Глава6.Диверсант

И на третий день в тюрьме
вождь Зоркий Глаз заметил,
что одной стены нет.

/анекдот/

На уроке латыни студенты-медики
случайно вызвали демона.

/анекдот/

Пока все шло отлично, вместо того, чтобы выбираться вдвоем с Трис, мы тащились группой общей численностью в пятьдесят восемь разумных. В числе первых шли самые опытные и выносливые бойцы, которым досталось самое лучшее из оружия. Всех их «подмял под себя» самый сильный и самый быстрый человек, которому слепо доверяли и слушали, а главное, он уверенной хищной походкой сам шел в первых рядах, показывая пример и защищая более слабых. Следом тащились изможденные или безоружные мужчины и женщины с потухшими, затравленными глазами, их возглавлял вооруженный кинжалом бандит без капли морали, с легкостью увесистым ударом в челюсть обрывая жалобы и причитания, сохраняя этим необходимую тишину. Замыкали я, Трис, пара зарекомендовавших себя в короткой стычке наемников и трое орков, за исключением того, что молча указывал дорогу.

Орки шли со мной рука об руку, мы смогли найти с нами общий язык, ко всему прочему они были необходимым злом без которого не выжить и ничем не хуже, чем идущий впереди, знали эти пещеры. Грым, самый здоровый и старый из тройки поклялся мне предками, что пока мы не выберемся, он и двое из его клана не предадут нас, и черт побери, клятвы били взаимны. Так что в нашей группе я был уверен на все сто, а вот в остальных… По всему выходило, что на удачу лезть наружу не имеет ни малейшего смысла, по крайней мере, если нет желания сыграть с орками в прятки на голых просторах степи. А значит нужно сделать так, чтобы нас не заметили, в идеале чтобы им стало совсем не до нас, но как это сделать?

Первой мыслью было добыть еды и затаиться нашей компанией, предоставив остальным шанс попытать счастье, и под

шумок двинуться в противоположную сторону, в то время как за их головами начнется охота. Вот только смогут ли они продержаться достаточно долго? Черт! Именно в этом я и сомневаюсь! В голове роились десятки мыслей, но ни одна не давала достаточно шансов на жизнь. Поджег? Мы задохнемся первыми, да и что, черт возьми, можно поджечь в ветвистой сети пещер? Магия? У меня на шее висит проклятый ошейник причиняющий боль при любой попытке магичить. Впереди снова звонко грохнула сталь и раздались хрипы и стоны умирающих воинов, вызывая у идущих позади узников волну дрожи и дробного перестука зубов.

— Среди нас слишком много обузы, — тихо протянут я. — Если они и дальше будут продолжать в том же духе…

— Что предлагаешь? — вклинился в мои размышления один и бойцов.

— Забиться в самый темный угол и ждать когда подымится большой шум, а потом тихо выбираться, — озвучил я свои мысли. — Если сильно повезет, нас не заметят.

Трис уперла в меня какой-то странны оценивающий взгляд.

— А ты как всегда не многословна, подруга, — нервно выдал я немой спутнице, но тут же себя одернул и извинился одними глазами, как это могут делать только люди, съевшие вместе не первый пуд соли.

— Думаешь у них выйдет? — даже не заметив нашего безмолвного диалога продолжил воин.

— Шансы есть, — утвердительно кивнул второй.

Постепенно, с каждым шагом отставая на несколько сантиметров и смещаясь все дальше в сторону, незаметно для остальных мы остались далеко позади. К складам орков вело множество путей, и совершенно необязательно было всем скопом ломиться по кратчайшему из них. Не спорю, у большой группы заметно больше шансов взять припасы и пробиться наружу, но… Вылазить наружу и надеяться убежать от орка в степи, это как посреди моря пытаться уплыть от акулы — страшно и… безнадежно. У меня есть особые соображения на этот счет, куда более реальные.

Чем ближе мы подбирались к цели, тем все более оживленно становилось вокруг. Двигаясь вслед проводником уже не удавалось оставаться незамеченными, бывало встречались целые группы по пять-шесть особей, которые неприменно разорвали бы нас в клочья, если бы не переодетый в одежду тюремщика Грым. Этот могучий здоровяк гордо выпрямившись и расправив плечи уверенно конвоировал «свежее мясо» в сторону кухни, до поры до времени своей громоздкой тушей скрывая от посторонних глаз

наши тела. Но как только мы подходили к кому-то вплотную, его губы растягивались в кровожадной дикой ухмылке, еще больше оголяя и без того торчащие наружу клыки, из-за чего весь он становился похожим на огромного готового к броску хищника. Да так оно и было, все что нам оставалось после быстрых молниеносных ударов «конвоиров» — это добить уцелевших и дождаться помешавшуюся на трофеях Трис, что под брезгливым взглядом орков рукоятью кинжала торопливо выбивала у трупов клыки.

Так, неспешным размеренным шагом, не от кого не скрываясь, мы двигались к складу припасов, периодически оттаскивая в ответвления туннеля парочку-другую тел. Прикидываться изможденными, избитыми и потерявшими надежду людьми оказалось настолько просто и достоверно, что самые крупные группы, напасть на которые было бы безумием, так и проходили мимо, перебросившись парой слов с нашими орками. Да-да, именно нашими, наблюдая за тем, с каким душевным подъемом они режут глотки себе подобных, даже Трис перестала воспринимать их враждебно и больше не бросала предвкушающие взгляды на торчащие из-под нижней губы трофеи.

Что-то в них было не так, нечто неосязаемое, что навсегда разделило идущих с нами дикарей от своих собратьев. Та злоба, с который Грым отрубал конечности и перемалывал кости ни капли не уступала нашей собственной. Мы одинаково ненавидели всех вокруг, а как известно, общая ненависть сближает. Из непримиримых врагов, волей случая оказавшихся на одной стороне, мы плавно превратились если не в хороших друзей, то в верных союзников. Больше ни у кого не возникало идеи в отместку за страх и мучения воткнуть кинжал в почку идущего впереди орка, зато как-то незаметно где-то в мозгу появилось желание прикрыть спину товарища.

— Стой! — я шепотом, как можно тише придержал широко шагающего Грыма. — Это тот самый маг, что нас пытал, если он меня заметит…

— Гррр… — утробно прорычал орк и, как только мы поравнялись с магом без затей вмазал ему по роже своим пудовым кулачищем, после чего не помысливший о подлости маг без чувств, оставляя на стене за затылком отчетливый кровавый след, безвольной куклой сполз по стене.

— Радикально, — хмыкнул я, по своей наивности полагая, что убить мага кулаком невозможно. Приложил руку к шее, нащупывая пульс и с удивлением, косясь на острые выступы скальной породы и кровавые пятна в районе затылка, с

удивлением констатировал, — жив.

— Гррр…, недолго! — Неверно меня истолковав, Грым едва не исправил брак при помощи топора. Со всей моей хваленой силой и скоростью я едва успел выдернуть тело мага из-под стремительно опускающегося лезвия.

— Спокойно Грым! — успокаивал я вновь поднимающего топор разъяренного орка, на этот раз нацелившегося на меня. — Видишь это? — я демонстративно поднял подбородок и ткнул пальцем в стягивающий шею обруч магического ошейника. — Из-за него я не могу колдовать, а этот, — я пнул бесчувственного мага, — единственный среди нас, кто знает как его снять.

— Ррр…, — взбешенный орк по инерции сделал еще пару шагов в мою сторону, но оружие опустил, признавая мою правоту и прекрасно понимая, что при поддержке мага выбраться проще, чем без нее. Сломав бесчувственной фигуре руки и ноги не менее чем в пяти местах он закинул ее себе на плечо и проронил всего одно слово, — идем.

Повороты, темные провалы коридоров, в какой-то момент мне показалось, что мы давно заблудились и ходим кругами, настолько все было похожим, но вот мы останавливаемся у небольшого провала, уходящего глубоко вниз. Скинув в дыру мага, словно тот был не живым человеком, а бесполезным мешком с требухой, и не чуть не заботясь о сохранности пленного прыгнул следом. Остальным не оставалось ничего иного, как последовать за ними.

— Здесь. Пытай. Не услышат. — односложными рубленными фразами начал объясняться орк, словно его гортань не приспособлена ни для чего иного, кроме рычащего языка дикарей. Меня не пришлось упрашивать дважды.

С силой последовательно ткнув мага в несколько болевых точек, мне удалось привести того в чувство. Едва открыв глаза и заметив напротив своего лица мою осунувшуюся от голода и побоев физиономию, его губы зашептали заклинания, а правая рука начала подниматься в мою сторону. Но в ту же секунду качественно переломанная конечность под действием старой доброй силы тяжести выгибается в сторону пола, туда, куда она гнуться совсем не должна. Приступ боли скривил лицо мага, сбивая концентрацию и грозя снова отправить в беспамятство. Новый тычок пальцами, на этот раз чтобы парализовать, обезболить, и маг бессильно приваливается к стене, растерянно моргая ресницами.

— Отвечай на вопросы и сдохнешь быстро. Как снять это? — я ткнул в свой ошейник.

— Падаль. Проклятый эльф! — маг плюнул мне в лицо. —

Тебе не уйти! — я молча вытер со щеки слюну, даже не придав внимание этой жалкой попытке себя задеть, заткнул ему рот куском кожи, вернул чувствительность и ровно три раза сложил переломанную руку. Пещерное эхо разнесло в округе приглушенный отчаянный крик.

— Как снять ошейник? — как ни в чем не бывало, все таким же монотонным спокойным голосом спросил я и вынул кляп.

— А, аа-а, агх, — простонал маг и вновь получил вогнанный в глотку кляп, на этот раз вместе со стиснутыми в тщетной попытке защититься зубами. Новые крики.

— Как снять ошейник? — я начинал терять терпение.

— Тфарь… — едва выдохнул маг, он пытался отдышаться после своих криков, сплевывал кровь и осколки зубов.

— Считаю до трех. Раз… — я вынул из-за пояса нож.

— Два… — недвусмысленно поднес его к глазу.

— Если ты грамотный, то на счет «три» будет бо-бо… — я поскреб режущей кромкой кожу на лице мага.

— Никак-х! Его нельзя снять! — вжимаясь в стену торопливо ответил маг. — И это была правда… Как минимум он верил в то, что сказал… Словно мне только что дали под дых, выдернули почву из-под ног, лишили последней надежды…

— Трис? — я беспомощно посмотрел в глаза девушки ища у нее поддержки. Без слов она вынула кинжал и приставила к паху мага. Думаешь это поможет?

— Даже если она сейчас промахнется, душевная травма останется навсегда, гаденыш. — все еще до конца не придя в себя от потрясения процедил я. — Думай, как снять чертов ошейник!

— Я, я, я не знаю! К-ха, кха. На подобное способны разве что боги, или…, или… демоны. — Я едва истерически не рассмеялся, черт побери, да если бы это было возможно, я бы первым делом сорвал эту полоску ненавистной стали. И на что мне теперь сдался этот кусок бесполезного мяса?

— Добей. — я разочарованно кивнул в сторону мага и Трис занесла кинжал для удара. Но тут мою голову словно прошила молния, идея была настолько дикая и невозможная, что от одной мысли по спине бежали мурашки. Это ничтожество можно использовать! Он может послужить инструментом.

— Стой! — кончик острой смертоносной стали застыл в сантиметре от виска скулящей жертвы. — Помоги нарисовать пентаграмму призыва.

Удивленная наемница была не в состоянии задавать вопросов, а потому сразу приступила к делу и кончиком ножа стала выцарапывать на каменном неровном полу линии бесконтрольного круга призыва. Боль, страдания и отчаяние в

жилище пожирателей плоти разумных, что витают повсюду, страх обгадившегося мага — самое то для места ритуала вызова демона. Моя магия заперта и не покинет пределов тела, но кровь, кровь того, в чьих жилах течет сила, насквозь пропитана ей, кровь мага по своей сути и есть сама магия. Взрезав запястья пленника я щедро напоил ей нацарапанный на камне круг и начал речитатив призыва, на что пентаграмма засияла пока еще слабым, но отчетливо заметным в полумраке багрянцем активации. В момент, когда маг истечет кровью она войдет в силу, и на душу мертвеца слетится чертова тьма тварей, не обремененных совестью, не знающих жалости, сожаления и прогнившей морали. Чертова прорва самых совершенных убийц с одним единственным инстинктом — убить и пожрать все живое.

Я злорадно скривил губы и порезал собственное запястье, если демоны еще помнят отголоски моей силы, сюда соберутся лучшие, элита элит, рожденные, чтобы разрушать и порабощать. Не думаю, что оркам будет дело до каких-то там беглецов, когда их без разбору начнут рвать на части твари бездны, а что они начнут убивать всех подряд лично я не сомневался ни капли. Впору самому как можно скорее уносить ноги, настолько опасно здесь станет, как только маг распрощается с жизнью. Идеальная диверсия, я получил, что хотел и… отомстил, оставив подыхать в центре пентаграммы изломанное тело своего врага.

— Бежим! — заорал я, и первым бросился к лазу, показывая пример остальным.

Где-то очень далеко был слышен шум, неясные вскрики и лязг металла о металл, что-то падало, разбивалось, после чего крики и рычание раздавались вновь, то грозные и решительные, то с примесью страха и отчаяния. Кто это был, какая причина тому послужила, дошли ли остальные до кладовых или это именно их тела в настоящий момент режут на части — все это не важно. Совершенно не важно прибавится ли еще шесть клинков против десятков и сотен, главное мы дошли. В объемные полотняные мешки торопливо и без разбора ссыпались продукты, укладывались бурдюки с жидкостью, неважно какой, пробовать некогда, главное, что это именно жидкость и ее можно пить, если на то будет нужда. Каждый из людей взял не меньше недельного запаса, под завязку набив трофейные сумки и закрепив на спине, чтобы иметь возможность сражаться. Идущие с нами орки предпочли пользоваться мешками, руководствуясь только им понятными принципами и забирая из кладовых буквально все.

Навьюченные как тягловые животные, мы подобно крысам пробирались к выходу, прячась каждый раз, когда приближался очередной спешащий на непонятный шум отряд. Пока еще никто

из них не понимал в чем дело, крики узников и банальные драки среди своих обычное дело в месте полном дикарей, но крики не прекращались, а громче всех кричали сами орки, захлебываясь в предсмертной агонии. Все крупней становились идущие на шум отряды, внимательнее оказывались взгляды, больше никто не шутил и не отвешивал товарищу дружеские тычки и затрещины, орки забеспокоились, стали серьезны. Несколько раз мы не успевали среагировать на бухающие повсюду шаги десятков ног, уже не раз нас замечали и начиналась схватка не на жизнь, а насмерть, чтобы выжившие не могли выдать беглецов.

Мне дважды располосовали грудь, задели плечо, кровь вперемешку с грязью липкой черной массой пропитала одежду. Раны давно перестали кровить, но при малейшем движении отзывались ноющей болью, идти с грузом еды за спиной становилось все тяжелее и тяжелее. Вскоре орку, чья очередь была двигаться впереди, по локоть отрубили руку, а грудь проткнули сразу три меча, но смертельно раненному зверю не ведом страх, боевая ярость и близость смерти застилает боль. Обреченный, он бросился вперед буквально нанизывая себя на сталь и оставшейся безоружной рукой пытаясь дотянуться до глоток своих убийц. Этот безумец своим поступком, этим безнадежным рывком спас все наши жизни, дал так необходимое время на бег. Пока с упавших снимали его огромную тушу, освобождали намертво застрявшие в теле мечи, подрезали сухожилия на сжавшей мертвой хваткой руке, мы давно скрылись из виду, больше не помышляя о скрытности, и продолжили забег ценою в жизнь. Нашим призом должна стать свобода, большей цели не нужно. Меж тем шум приближался, и только богам известно, что стало с оставшимися позади.

— Ждать! — коротко рыкнул Грым, и мы привалились к стене блаженно сбрасывая давящий плечи груз. Я помог Трис перевязывать руку, ей тоже досталось, пусть и значительно меньше, чем мне.

— Что. Там? — потуже завязывая края материи, прерывисто дыша спросил я.

— Ждать. — повторил орк бережно придерживая правой рукой пострадавшие ребра. Грубый кожаный доспех выдержал, возможно спас своему хозяину жизнь, но удар был настолько силен, что смог повредить даже плотные кости орка.

Я осторожно выглянул из-за нашего укрытия и не так далеко впереди увидел множество зеленорожих дикарей, стоящих к нам боком, а частью спиной. Выход. Я понял это сразу же, как только увидел его, а как же иначе? Стоя жопой к угрозе не охраняют, никто не ожидает нападения своих и без опаски можно

повернуться спиной, а значит это действительно путь к свободе. Но боже, как же их много! Ставший еще ближе шум буквально въедается в мозг, заставлял чрезвычайно чувствительные эльфийские уши плотно прижаться к голове, теперь он доносится откуда-то сбоку, отражаясь от стен, разносясь на сотни метров вокруг. Орки занервничали, нет, они также стояли на месте, но все чаще и чаще начали смотреть вправо, вглядываясь в темноту, а на шум к отряду подходят все новые особи.

Наконец двое не выдержали и двинулись на разведку, через десяток секунд, вслед за ними бегом срываются еще пятеро. В нашу сторону никто не смотрит, убегая и прячась, мы сумели запутать следы и, слава богам, из узкого темного коридора за нашими спинами не доносилось ни единого звука. В царящей вокруг суматохе, сдерживая хриплое дыхание, сохраняя такую хрупкую тишину, мы превратились в невидимок, получили передышку, чтобы перевести дух и зализать кровоточащие раны. Я понял чего так ждет Грым, он надеется, что хотя бы часть стражи уберется от входа или ввяжется в драку с пока непонятным, а от того еще более опасным врагом.

Ни через десять минут, ни спустя пол часа из ушедших в темноту дозорных не вернулся никто, орки беспокоились, неожиданно резко наступившая тишина давила на их слух куда как сильнее недавнего шума. В темноту туннелей двинулось сразу семеро смельчаков, все как один с легким шелестом обнажили оружие и, аккуратно переставляя ноги, двигались вглубь. Уверенность, нечеловеческая сила, готовность в любой момент нанести сокрушительный удар…, это их не спасло. Как в замедленной съемке, под тупыми и все еще ничего не понимающими взглядами из темноты буквально вылетел один из ушедших и, оставляя за собой кровавые пятна, кубарем подкатился к пребывающим в шоке оркам.

Они настолько привыкли быть хозяевами, теми, кто помыкал, избивал и пытал безвольных пленников, им было настолько дико и непривычно созерцать истерзанное тело такого же орка, как и они сами, что они далеко не сразу начали действовать. Их ступор прошел как только в зал ворвалась тварь бездны, она двигалась настолько быстро, что ее очертания размывались всякий раз, когда она перемещалась. Разглядеть ее получалось лишь в самый последний момент, в тот самый, когда черная когтистая лапа уже вспарывала грудную клетку в щепу переламывая кости. В одно мгновение стоящий первым орк превратился в вывернутую наизнанку тушу, окруженную багровой лужей, а после буквально взорвался целым фонтаном крови, внутренностей и обломков скелета.

Казавшийся таким большим отряд таял быстрее, чем кусок масла на раскаленной сковороде, а я был не в состоянии оторвать взор от развернувшейся бойни, она завораживала, приковывала взгляд. Тварь бездны, выползшая из самой преисподней, рогатый высший демон с антрацитово-черной шкурой резал, рубил и голыми руками рвал на части массивные, одетые в доспехи фигуры воинов-орков словно бумагу, используя для этого когти и крылья. Пастью полной акульих зубов он вгрызался в глотки, игнорируя любые препятствия и попытки спастись, потешаясь над жалкими потугами сопротивляться. Никогда в жизни я не видел столько летящего во все стороны перемолотого в фарш мяса вперемешку с жилами и осколками костей. Оказывается гримасы боли и лики близкой смерти способны завораживать, лишать воли, превращая лучших из воинов в плачущих женщин. Оба шедших со мной наемника безропотно опустились на колени, даже не помышляя о возможности бегства, а руки всегда воинствующей Трис позорно тряслись. Быть может тому виной была аура твари, не так давно я сам был таким…

Где-то глубоко в душе зародилась целая буря чувств, подчиненная одному единственному всепоглощающему желанию жить. Нет. Мое время еще не пришло. Пока он занят, пока его когти увязли в стальных жгутах орочих мышц, а со всех сторон сыпятся удары, есть шанс, шанс на жизнь. Бездействие — смерть. Наплевав на затягивающиеся, напоминающие о себе ноющей болью раны я с чувством отвесил Трис пару пощечин, не дожидаясь какой-либо реакции, схватил в одну руку меч, в другую боевой топор и кинулся в самую гущу мельтешащих тел.

До сих пор демон не сражался, он играл с такой слабой и смешной добычей, я это знал, чувствовал. Если обычной стали и случалось попасть по демону, то в лучшем случае на черной коже оставалась царапина, из которой не вытекало ни капли жидкости. Видимо кровь демона считала ниже своего достоинства течь из-за этого пустяка, наверно именно поэтому моей целью стали глаза. Демон был быстр, гораздо быстрее меня, но он сам подставил себя под удар, каждый раз с жадностью впиваясь в шею жертвы и высасывая жизнь, он одинаковым брезгливым движением выбрасывал тело.

Я подошел сбоку, когда челюсть демона только-только начала разжиматься и голова жертвы полностью закрывала обзор, и ударил, пока меня не было видно. Лезвие скользнуло по черепу уже мертвого орка, рассекая кожу, вошло точно в глазницу, пробивая ярко желтый зрачок, и застряло в кости из-за широкого лезвия. По инерции продолжая начатое движение демон все еще сжимал мертвеца и не сразу кинулся на обидчика, наверное

именно это и спасло мою шкуру, когда когти взревевшего демона вспороли воздух в считанных миллиметрах от моего лица. А в следующую секунду потерявшая осторожность опаснейшая тварь превратилась в две нихрена неопасные половинки, с ног до головы залив меня темной, почти черной кровью демона. За его спиной стоял Грым, чей меч был окутан серым туманом.

Некогда думать. Едва оборвались стоны добитых раненных, чуткий эльфийский слух вновь уловил шум схватки и нарастающие крики, неужели подобный монстр пришел не один? Свита? Губы на омертвевшем от усталости лице сами сложились в злорадную ухмылку, — «Развлекайтесь сцуки! Мы уходим».

Глава 7. Ветры перемен

Не отчаивайтесь, даже если вас съели, остается целых два выхода…

\анекдот

Выбравшись из западни наша порядком потасканная компания отнюдь не бросилась врассыпную в поисках вожделенной свободы. Откровенно, сейчас на нее было глубоко плевать, хотелось просто упасть, упасть и не двигать хотя бы пару часов. Я настолько отупел от усталости, что долгое время не в силах был задаться вопросом, к какой цели настолько упорно ведет нас этот здоровенный орк Грым, вместо этого я бездумно перебирал ногами, следуя за тем, кто находит в себе силы идти впереди. Немногие оставшиеся на поверхности орки, оставшиеся на «хозяйстве» и не ломанувшиеся в недра туннелей на помощь своим и постоянно глазеющие в темноту прохода сообразили не ломиться вперед, а взяться за луки дротики. Это было скверно, очень скверно, волей неволей пришлось снова заставлять мозги работать, а тело передвигать конечностями. Перебегая от укрытия к укрытию и завалившись у очередного тюка с барахлом, я подобрал у свежего мертвеца лук и выдернул из груди несколько стрел. Сложнее было с той, что торчала в спине, но нет худа без добра — у меня появилось чем убивать назойливых ублюдков, что мешали бежать.

Только тогда, когда с пущенной мной стрелой в глазнице к предкам отправилась последняя зеленорожая тварь, я сообразил, на что уставились мои разом округлившиеся от понимания глаза. Рабские загоны, долбаные рабские загоны! Десятки закованных в колодки людей, сотни уныло сидящих в железных клетках орочих женщин, стариков и детей. По спине прокатился холодный пот, я невольно сглотнул. Что за звери могли сотворить подобное? Но это как раз последнее, что меня волновало, вопросы морали курили в сторонке, важнее на кой черт проклятый орк притащил всех нас именно к ним?! Я встал как вкопанный не желая делать и шага вперед, прекрасно понимая, что сейчас произойдет, очень скоро люди вновь останутся в меньшинстве. Если минутой ранее мы имели шанс в случае нужды сами перерезать глотки проводникам, то сейчас время перемирия прошло и неизвестно, что будет дальше. Словно почувствовав мою стремительно растущую озадаченность и скрип натягиваемого лука, Грым остановился и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Это все, что осталось от племени Грыма и других неугодных племен. Клянусь предками, мы не нападем первыми. — Я кивнул в знак согласия и с легким недоверием расслабил подрагивающие от напряжения руки. Клятва предками нерушима для орка, для них нет ничего важнее и авторитетнее тех, кому они поклоняются, но долбаная паранойя в голос нашептывала мне быть осторожнее.

— Клянусь кланом. — Я все же скрепил договор, прекрасно понимая, что с помощью орков выжить в степи будет легче.

Что было дальше я уже не смотрел, урвав несколько спокойных минут, чтобы поесть и вдоволь напиться, я блаженно растянулся прямо на голой утоптанной сотнями ног земле, хорошенько постарался пусть и не надолго, но вышвырнуть из головы все не радостные мысли. Мир продлен. Даю руку на отсечение, этому орку можно довериться, черт возьми, возможно именно с ним мы и преодолеем большую часть пути, ведь кому как не оркам знать, в какой стороне вольные баронства и мои земли? Кому как не им знать, что поможет нам выжить?

Так что я предпочел не совершать лишних движений, а ждать, когда затянутся раны и невольно наблюдал за действиями обретших свободу заключенных. Вообще-то политика всех орочих племен всегда заключалась в одном — хапнуть много и быстро, так что имея такую возможность, они забирали все, что хотя бы в теории может оказаться полезным, включая животных, в то время как я бы по незнанию предпочел не брать ничего, не считая провизии.

Следующая ночь, шатер вождя и шаманы Грыма.

— Ты не говорил, что был вождем. — Заметил я, с кислой миной потягивая лечебный тонизирующий травяной отвар.

— Ты не ответил, — заметил орк. — Зачем эльфу заботиться о жизнях людей? Зачем светлому эльфу баронство? Зачем тебе мы?

— Просто я там живу… — С моей точки зрения это объясняло абсолютно все: и почему я пекусь о доверивших мне свою судьбу крестьянах и почему буду старательно рвать на части любого, кто без спросу сунется на мои земли. Иными словами это был мой дом, мое имущество, и вполне естественно, что я пекусь о его сохранности. С точки же зрения орка это не объясняло ровным счетом ничего. Грым принадлежал к племени кочевников, что испокон веков только тем и занимались, что грабили, разводили или угоняли скот, собирали целебные травы и плодились, как

кролики, при этом никогда подолгу не засиживаясь на одном месте. Так что понятие «владеть землей» было совершенно чуждо свободолюбивому орку, с его точки зрения — вот земля, она простирается настолько далеко насколько хватает глаз, зачем запирать себя на жалком клочке, когда можно идти куда тебе хочется?

Вот только с этим у орков и случилась проблема, на полторы сотни женщин и две с лишним сотни детей насчитывалось едва ли больше сорока воинов, способных сражаться, а ведь они точно такие же беглецы, как и мы, давно приговоренные и стоящие вне законов степи. Любой достаточно большой род сочтет за благословение предков использовать всех этих женщин по назначению, убив воинов и отправив на мясо всех остальных. Таковы порядки дикарей, если ты слаб, то не достоин уважения предков и обязан умереть, а если слабо племя то его женщины поднимут статус более сильного и удачливого вождя, а те кто может возжелать отомстить не нужны никому и должны умереть.

Не знаю, может это и было вселенской глупостью, но все же я предложил Грыму помощь и место на землях баронства в обмен на силу и удачу его воинов. Мне показалось очень символичным, если эти орки будут продолжать резать глотки другим, в то время, как мои люди будут стоять в стороне. Такое положение дел создаст естественный отбор, где мой клан получит дополнительный шанс еще больше укрепиться на вершине цепи и будет продолжать спокойно наращивать мощь. Это более чем щедрое предложение: еда, сочная трава на пастбищах для скота, права и привилегии, что есть у жителей баронства, безопасность женщин и детей, которые вскоре предоставят мне еще больше воинов, и все это всего лишь в обмен на верную службу. Очень и очень щедрое и одновременно дурно пахнущее предложение, как если посыпать салфетку перцем и предложить вытереть ею зад: вроде бы и хочется комфорта, но страшно за будущее. Да вот только у Грыма не было иного выбора, как вновь окунуться в междоусобную войну, собственно, он «сам» ее начал, когда начал убивать точно таких же орков как он во время побега, все, что изменили мои слова — это безопасность детей и гарантировано сытое брюхо у воинов.

Благодаря боевому азарту, невероятной для человека силе и толстой шкуре орки могут на равных поспорить с гораздо более опытным противником. Там, где люди марают штаны, сдаются и отступают, орки без доспехов и с дерьмовым оружием прут вперед, чтобы слабостью и трусостью не опозорить своих славных и храбрых предков. С этого дня они будут служить мне, осталось только найти слова и убедить в этом остальных… Пока люди и

орки не поубивали нахрен друг друга от вековой взаимной любви. Но черт меня побери, это того стоит!

Осталось самую малость — добраться до места, но если учесть, что я, не раз должен был сдохнуть посреди этой проклятой степи, то я просто полон решимости, сил и энергии сделать это в кратчайшие сроки. Только заложу маленький крюк через земли соседних баронств… А все потому, что люди идущие со мной представляют предельно жалкое и отвратительное зрелище: грязные, дурно пахнущие, оборванные, в синяках и ссадинах они принесли бы отличную прибыль гильдии нищих и воров. Самое поганое, что и сам я выглядел не многим лучше. Как-то не так я себе представлял гордого властного дворянина и первородного со свитой, возвращающегося с победоносной войны, к чьему мнению прислушиваешься и которому так и хочется подчиниться. Боюсь, если кто-то увидит меня в подобном виде, его придется навечно заткнуть, если, конечно, я не собираюсь прослыть посмешищем и дать повод для сплетен.

— До племени людей три дня пути. Мы будем ждать тебя здесь, — палец орка ткнул на две ладони левее грубо нарисованной прямо на земле карты, примерно в одном дневном переходе от моих владений. — Пол луны, эльф, у тебя пол луны, чтобы убедить своих людей принять нас, иначе мы уйдем.

— Через пол луны я пришлю вестника, даю слово — с твердой уверенностью в своем решении ответил я, мысленно выбирая достаточно смелого слугу, которого будет не слишком жалко. Мало ли, что может пойти не так и что взбредет в голову оркам.

— Город здесь, — Грым повел руку вперед вдавил рыхлую землю, обозначая место, где я смогу зализать раны и привести себя в надлежащий аристократу вид. Если орк не ошибся, отсюда до границы баронства я буду добираться дней десять неспешной рысью, если, конечно удастся разжиться транспортом.

— Твои женщины будут под защитой моего клана.

— Земли твоего клана будут под защитой моего племени. — Скрепил устную сделку Грым, а следующим утром ни одного орка в лагере не было. В нем остались только люди, слабые и изможденные многодневным переходом через степь.

Нельзя сказать, что они не получали еды и воды, нет, они получали. Получали ровно столько, что не сдохнуть в пути, ведь взятого на четверых провианта было явно недостаточно, чтобы прокормить две дюжины спасшихся, а потому все они представляли собой неприглядное зрелище. Я, Трис и идущий с нами от самых темниц наемник Стив, именно мы и никто другой заключили с племенем Грыма договор, одобренный духами

предков, а потому каждую ночь получали мясо свеже убитого животного. Разделить в засушливой степи питье и еду означает показать свою благосклонность и доверие, орки не скупились делиться едой, это было вообще единственное, чем они могли поделиться. По своему это унизительно зависеть и получать подачки от без того не жирующих дикарей, но я знал, скоро все изменится и уже они станут зависимы, остальные же так и остались для них горсткой презренных чужаков, мясом, которое не сожрали только из уважения к союзнику.

Меж тем люди продолжали с ненавистью сверлить взглядом орков, с непередаваемой брезгливостью плевали в нашу сторону не смотря на растрескавшиеся от жары и жажды губы. Они сбивались в группы, выставляли караулы и называли вытащивших их людей предателями, продавшимся оркам за пищу, а эльфа выродком, как будто это не мы дали им еду и свободу — как же иногда коротка становится память, когда сильны предрассудки. Трис не раз хваталась за нож со страстным желанием пустить всех в расход, но каждый раз я ее останавливал. Опознать в разбитых, испачканных лицах барона-эльфа и его свиту… Не смешить меня, даже если мне дадут самое лучшее зеркало, я не узнаю в этой худой, осунувшейся фигуре с ошейником на шее прежде гордого эльфа, не смогут и они. Позже…, позже будет поздно, но это не повод получить смертельную рану при убийстве идиотов за несколько часов пути до цели, а особо разговорчивых я заткну позже, заткну навсегда. К тому же, их все еще можно использовать, использовать в последний раз.

Заметившие высокие и надежные стены города люди оживились, они бросали на землю практически все, что с таким остервенением тащили с собой столько дней до самого конца, и прибавили ходу. На земле так и остались валяться какие-то тряпки, ремни, разбитая, снятая с трупов обувь и внезапно ставшее таким неподъемным мечи… Одним словом все, что совсем недавно казалось им невообразимо ценным в одночасье превратилось в мусор, никому ненужный придорожный хлам в преддверии города. Мы же наоборот, низа что бы не бросили всю ту гору увязанного в куски кожи оружия, подобная валюта всегда в цене, суметь бы продать. Все больше отставая, мы исчезли, растворились в придорожных кустах и канавах.

— Как думаешь, пройдут без проблем? — поинтересовался Стив, глядя на моих подопытных неблагодарных крысок.

— Хрен его знает, — искренне ответил я. — Могут как пропустить, так и заинтересоваться толпой нищих проходимцев, отбившихся от сотен тысяч орков. Если на воротах зажравшиеся идиоты и их без препятствий пропустят, через пару часов

пройдем и мы, ну, а если нет…

— Смотри! — Стив приподнял голову из нашего укрытия и был тут же осажен Трис, — кажется…, их арестовывают?

— Какого?! — не удержался я, глядя, как бравый сержант древком копья сбивает на землю, что-то доказывающих ему людей и резво командует дежурным десятком.

— Ммм… — промычала немая Трис, во все глаза наблюдающая за соскальзывающим с меча и падающим навзничь телом.

— Что за херня? — уточнил я у Стива, вроде как он дольше моего живет бок о бок с людьми этого мира, и уж он-то должен ответить на этот вопрос.

— Не имею ни малейшего понятия, что там творится! — не оправдал возложенных на него надежд наемник, и мы продолжили наблюдать, а посмотреть было на что.

После первой расправы буря возмущений утихла, взамен радости и надежды спины людей вновь согнула усталость, они уже не сопротивлялись, не кричали, не махали руками что-то доказывая. Вместо этого они молча, с почти осязаемой обреченностью сбились в кучу, окруженные стражей, как делали это когда вокруг были кровожадные орки, и словно на эшафот проследовали внутрь стен. Черт, да что же эти идиоты такого наплели, что их начали убивать? — этот вопрос задавал себе не только я, но точно ответить не мог никто.

Глава 8.Новые времена

Звон монет над ухом мертвеца
делает нормальным цвет его лица.

/КиШ/

— Я в город не войду! — наотрез отказался Стив.

— А кто тебя, млять, будет спрашивать? Хотя…, в чем-то ты прав, не исключено, что они арестовывают не только бывших пленников, но и всех оборванцев подряд. — Наемник облегченно вздохнул, испытывать на себе удачу он желанием не горел. Черт, хорошо хоть хватило мозгов не прятать эльфийские уши в толпе нищебродов, а то валялся бы сейчас в канаве, как тот бедолага. Что ж, в наше время невозможно быть излишне осторожным, я повернулся к Стиву.

— Не обольщайся. Забирай остатки воды, вытри лицо и приведи волосы в порядок, а я с Трис попытаюсь добыть одежду. Еще нам нужны лошади, хорошие лошади, и я не такой идиот, чтобы втроем без магии нападать на обоз или патрульный отряд на границе со степью. — Наемник снова скис. Не знаю, на что он рассчитывал, но если беженцев протыкают мечом и сажают в застенки, то имеет смысл разжиться транспортом и едой в качестве кого-то иного.

Кем-то иным оказался дерганный крестьянин, понукающий столетнюю кобылу, которая волочила порядком раздолбанную телегу с сеном. Не бог весть что, но всяко лучше дубовой от высохшей крови драной одежды, к тому же Стив получил возможность приехать в город на лошади со стороны центральных земель, если, конечно, несчастное животное не издохнет под его весом у самых ворот. Пока наемник, или будет правильнее сказать возможный член клана, матерился сквозь зубы и крыл матом своего нового нанимателя мы с Трис отправились навестить ближайшую деревню на предмет чистой воды и все той же одежды.

Стивен, бывший наемник.

Дерьмо. Все дерьмо. Да чтоб я, да еще раз…

— Пошла! Пошла, я кому сказал! — старая кобыла, везущая на своем горбу всадника, получила каблуками под брюхо, но так

и не сдвинулась с места.

— Старая кляча, ну же! Давай! Еще пару метров! — от распиравшей злости я не переставал материться, в то время как стоящие в воротах стражники уже откровенно ржали над моими потугами. Наконец смирившись с неизбежным, перестал изображать из себя посмешище, ловко спрыгнул со спины упрямого животного и, взяв его за узду, на буксире потащил в сторону ворот.

— Кто такой? Откуда прибыл? — задал вопрос даже не пытавшийся подавить ухмылку страж.

— Брось Брок, разве ты не распознал шута? — радуясь удачной колкости, уточнил напарник.

— Шут или убогий, мне без разницы. Гони медяк. — Ответил твердо знающий свое дело стражник. Я, едва не скрипя зубами, протянул орочий клык, пожалуй, это было единственное, что сейчас могло бы заменить монеты.

— Ого! — оживились и посерьезнели стражи, — откуда трофей?

— Нашел… — не придумав ничего лучшего, ответил я.

— Хм…, — стражи уже оценивающе разглядывал странного бродяжку устроившего у ворот спектакль с непослушной полудохлой кобылой.

— Воин. На минувшей недели, расплатился за бражку, — почуяв неладное, нехотя пояснил я, на ходу выстраивая более правдоподобную версию и деланно отворачиваясь от «воинского трофея», а стражники вновь расплылись в приветливой улыбке.

— Проходи.

— Да, клячу свою не забудь!

Вообще-то, стражники бы должны отсчитать порядочно сдачи, но эти два развеселых говноеда единогласно решили облапошить доверчивого придурка селянина. Все также закипая от нелепости ситуации в которую втравил меня чертов эльф, я вновь обеими руками взялся за повод, что есть силы уперся ногами в мостовую и потащил кобылу в сторону города. И ничего. Тупое упрямое животное было готово лечь костьми, но не сдвинуться с места ни на дюйм. Решив зайти с другой стороны, я было вознамерился толкнуть ее сзади, но проклятая скотина подняла хвост и сделала…, сделала меня грязным и дурно пахнущим. Стражники не смеялись, нет, от дружного хохота они сложились пополам и только упертые в створки ворот руки мешали гребаным весельчакам повалиться в песок. Да пошла к дьяволу эта тупая скотина! Смачно сплюнув, стряхнул с плеча конский навоз и проклиная все на свете, направился в город на своих двоих, а чертова кобыла…, брезгливо фыркнув в спину новому хозяину,

под очередной взрыв хохота неторопливо тронулась следом.

— Скотина. Тупое животное, давай, давай, иди за мной, прямиком на скотобойню, жесткая ты моя колбаса. — Как мантру шептал наемник, изредка поглядывая за спину, проверяя, не потерялось ли его своенравное транспортное средство. Но когда до скотобойни оставалось не больше пары сотен метров, он обернулся в очередной раз и не заметил ничего, кроме пары спешащих по своим делам прохожих.

— Дьявол, да эта кобыла не только тупая, но и догадливая. — В этот раз припомнив всех скопом: и стражников, и орков, и эльфов, и добрую половину всей их родни, Стив все же направился к барыге (скупщику краденного), чтобы за разумную цену превратить десяток отличных орочих клыков в звонкую монету. Этого вполне должно хватить на полный комплект добротной одежды, а уже потом можно будет вернуться за более-менее приличным трофейным оружием. Если не получится продать как изделие, всегда можно его скинуть в первой же кузне по цене металла, а уж он всяко дороже разных тряпок, может даже и останется что на нормальную лошадь, а не это… убожество.

Старого барыгу удалось разыскать почти сразу, сказались времена юности, когда глаза сами научились выхватывать из десятков лавок ту единственную, в которой обменять на звонкую монету можно в буквальном смысле все. Само понятие наемник как бы уже подразумевает добытые, захваченные или отданные в качестве платы ценности, и далеко не всегда это была чеканка империи, так что опыт скопился богатый. Приоткрыв выщербленную скрипучую дверь, Стив просочился внутрь через получившуюся щель в полумрак лавки, выгодно скрывающий простоту крестьянской одежды. Припечатав к прилавку десять пар самых крупных клыков наемник требовательно уставился в поблескивающие при свете лампы скупые глаза старика, оценивающе его разглядывающего.

— Пять серебряных, — брезгливо косясь на крестьянский кафтан с простенькой, но умелой вышивкой, ответил скупщик и по одному начал выкладывать монеты на стойку, рассчитывая спровоцировать приступ жадности. Трусливый вонючий реликт, с обычным крестьянином может и сработало, но я-то знаю цену товара и стоит он отобранных жизней двухметровых зеленорожих тварей!

— Пятьдесят. — брови скупщика поползли вверх от такой наглости, а на лице отчетливо читалось раздражение.

— Восемь, и мне безразлично откуда у тебя это, — на стойке прибавилось три монеты. Жадная сволочь!

Я кивнул и отодвинул в сторону торговца две пары зубов. Его сияющая торжеством наживы физиономия в миг сменилась недовольной миной, а рот открывался в потоке брани, но я не дал старому пню произнести ни слова, резко приблизившись вплотную.

— Эти, — я кончиком ножа пододвинул к барыге первую пару клыков, — принадлежали самому здоровому и жирному орку, их пришлось выбивать не меньше минуты, настолько крепкая у зеленомордых кость. Владельцу этих, — режущая кромка снимая тонкую стружку проехалось по прилавку, — я отрубил руку.

— Сс…, сорок, — отстранившись сказал погрустневший барыга, наконец опознав во мне не забитого пахаря, а воина умеющего, а главное готового убивать. С этими уродами всегда нужно разговаривать с позиции силы, иначе останешься без штанов и с благодарной улыбкой.

— Сорок пять, — Я решил додавить торговца, пока он растерян и не нажал на приметный выступ в стене, после чего в этом темном месте станет не протолкнуться от желающих содрать с меня шкуру, но тот оказался тертым орехом и ни в какую не желал расставаться с вожделенной наживой.

— Сорок, — все еще косясь на нож, но уже вполне твердо ответил торговец и положил взамен убранного серебра небольшой заманчиво звякнувший мешочек.

— По рукам. — мельком глянув на содержимое я поспешил исчезнуть, перед этим порядочно пропетляв по различным улочкам, не желая давать соблазн местным «дельцам» на возврат товара. Обманывать в таких делах не принято, зато вернуть «задаток» иногда пытаются, так что наглеть нужно в меру.

С серебром в кармане было не трудно из замшелого деревенщины превратиться в обстоятельного зажиточного гражданина. Прикрыть плащом пару залатанных дыр и потеки крови и уже никто не отличит меня от достойнейшего жителя этого городка, да и цена старьевщика в одну монету за три комплекта приятно грела душу. К тому же тот клялся и божился, что всю одежду снятую с трупов он лично не только стирает, но и прожаривает на камнях, избавляя от заразы и резких запахов. Немного непривычно, конечно, зато оставляет в кошеле достаточно простора для маневров. Жизнь начинает налаживаться, а уж что меня ждет, когда доберемся до земель барона…

Пожалуй, служить эльфу не такая уж плохая идея, учитывая как он относится к своим людям, только из-за этого можно списать добрую половину всех странностей этого длинноухого аристократа. Любопытно, какого черта его вообще принесло в

степь, считай в одно из самых гиблых мест материка? А, какого дьявола? Не окажись он в плену и висеть бы мне сейчас над костром, обливаясь собственным соком, так что можно считать мне еще повезло. Опять же если бы не он и эта поехавшая мозгами баба, что мародерила у каждого трупа, быть мне десятки раз убиенным, да еще и с пустыми карманами. А сейчас я жив, при деньгах и нанят целым бароном в личную свиту. Да…, леди удача на моей стороне, так какого черта?! Живем! Расплатившись с прислугой за комнату, я удобно расположился за стойкой слушая последние слухи и попивая холодное пиво.

Анст, небольшая таверна у западных ворот.

— Ну давай Стив, делись информацией, что за херня здесь творится?

— Да все просто. Город маленький, бедный и сто лет никому не нужный, и вдруг около недели назад в него врываются орки. Даже не пришлось никому платить, первый же пьяница за кувшин вина поведал мне занимательную историю, как зеленорожие выродки входили в открытые настежь ворота, а доблестные стражи сверкали отполированными до блеска задницами при тактическом бегстве. Должно быть было весело, если бы не сорок погибших, среди которых ни одного солдата. После такого позора, управляющий внезапно вспомнил про свою заботу о городе и быстренько назначил виновных, пока сам не стал козлом отпущения перед баронской дружиной. Кого разжаловали, кого схватили, но больше всех не повезло шестерым парням, которые в один голос распинались перед караулом, что скоро здесь будет орда. Сразу-то им никто не верил, а вот потом…, потом было поздно. А после за головами «виновных», благодаря которым город чуть не превратили в руины, пришли все, от мала до велика, и каждый считал своим долгом плевком и проклятием высказать свою точку зрения. Троих из них убили на месте, двоих получилось серьезно ранить и скрутить, но последнего не смогли даже поцарапать, настолько тот великолепно орудовал мечами. Ну а те, кто сегодня утром заявил, что бежал из плена орков, просто попали под горячую руку, и завтра состоится их публичный суд и смертная казнь. Зная подобных мразей, не ошибусь если скажу, что вопрос этот давно решенный.

— Млять! — грязно выругался я, — вечно какой-нибудь властолюбивый дегенерат само утверждается за счет жизни других. А шестеро, это, скорее всего мои парни… — Трис схватила меня за плечо, призывая немедленно действовать.

— Спокойнее, подруга, вляпаться мы всегда успеем. Вот что, Стив, разузнай-ка, где их держат.

— В клетках у казарм, конечно. Заперли как каких-то диких животных, а накрученные управляющим горожане свято верят, что именно вслед за этими мерзавцами в город наведались орки и не стесняются камнями выражать благодарность. К тому же там постоянно околачивается не меньше двух десятков солдат.

— Гниды. Лучше бы они так охраняли ворота, как стерегут моих парней. Трис, одевай платье и за мной. Посмотрим что к чему.

Через четверть часа из одной из комнат таверны вышел зажиточный горожанин, не смотря на жару накинувший роскошный плащ, скрывающий спину, миловидная дама, одетая как служительница древнейшей профессии и дворянин в излишне глубоко натянутой шляпе с широкими полями.

Прогуливаясь по улицам города в слегка поношенном, но все еще сохранившем былую утонченность наряде аристократа, я вел под руку обворожительную красотку с глубоким декольте, едва стянутым шнуровкой и почти ничего не скрывающим. Какое-то время наша пара притягивала к себе редкие взгляды зевак, но все изменилось после того, как мы свернули на соседнюю улицу, где выставляющих на показ свои прелести дам стало заметно больше.

— Давай, Трис, твой выход! — я подтолкнул девушку под попку в сторону первого попавшегося солдата. Та взвизгнула, привлекая его внимание, влепила пощечину своему «обидчику» и решительно зашагала в сторону островка надежной защиты.

— Что, красотка, не по нраву ухажер? Желаешь развлечься со мной? — «Красотка» расплылась в утвердительной улыбке, схватила служивого за рукав и не говоря ни слова утянула в укромный улок, где их уже дожидались я и Стивен.

— Нас же за это прикончат! — передернулся Стив, когда я свернул шею раздетому догола стражу.

— Поэтому и будет разумно сохранять анонимность, так что заткнись и одевайся. Эй, красотка, — обратился я к Трис, — надо бы повторить. — Та согласно кивнула, а уже через пару часов мимо казармам подходила пара пьяных в стельку солдат с двух сторон опирающихся на прекрасную «ночную фею». Клетки были пусты…

— Млять…, уходим, быстро! — прошептал я.

— А я уж думал, ты решил ворваться и всех перебить. — точно также шепотом нервно пошутил мой напарник.

— Тебе вредно думать, шевели ногами.

Скрывшись между домов, и почесывая неудобный шлем скрывающий длинные эльфийские уши, я никак не мог решить,

что делать дальше. Бросить парней из клана и уходить, пока не обнаружили голые трупы стражников? Разумно. С другой стороны эти люди прикрывали мне спину и бросить их сейчас значит ослабить не только клан и свою охрану. Черт, черт, черт!

— Трис, — я повернулся к нашей милашке, — придется снова повторить…

В этот раз на доступную красотку клюнуло сразу двое, бесстрашные, мать их, мачо, меч им в задницу. Один уже лежал, корчась в пыли, и хриплым от поврежденного горла голосом грозил расправится со мной самым страшным и изощреннейшим способом. Дебил, на что он вообще рассчитывает? На мою вселенскую доброту? Трусость? Да после таких откровений я прикончу его из одного только инстинкта самосохранения, не говоря об отсутствии свидетелей. Однако я истинный мастер тонкого душевного подхода к человеку.

— Стив, придержи его, чтоб не вырвался.

Я достаточно натерпелся за день и устал как собака, так что сил на сантименты не осталось. Пожалуй последний удар был все же лишним, придурок испустил дух, но чем больше они боятся, тем точней и полнее информация. Страх, боль — вот те две вещи, которые быстрее всего развязывают языки. По словам второго из сладкой парочки, заключенные живы, более того к ним прибавился третий, тот самый сумевший смыться идиот, пришедший на помощь своим товарищам. Теперь их «во избежание» перевели в камеры под казармами, где держат «наших оборванцев», и выковыривать их оттуда чистейшее самоубийство. Чертов косорукий болван, надо же так поднасрать! Из-под самого носа уплыла такая возможность!

Глава 9.Наши в городе

Не смотря на все усилия, мертвых нашли непозволительно быстро. К сожалению, город был маленький, так что стражников, которых всего-то десятков пять или шесть, опознали сразу, и не нужно быть гением, чтобы связать голые трупы и пропавшую форму. Идея подойти вплотную, устроить маленькую заворушку и в суматохе вывести узников накрылась, зато мысль сжечь к чертям собачьим весь прогнивший изнутри город крепла с каждым часом, с каждой прожитой секундой.

Все время, что расчищали площадь, кулаками и матами разгоняли бродяг, торговцев и прочий неприкаянный люд, те часы, что к казни старательно готовили эшафот, я сатанел от бессилия. Давненько я не был настолько беспомощен, с каким удовольствием я бы выпустил кишки и свернул шеи этим лицемерам! После «голых находок» чужаков буквально пинками вышвыривали с площади, на которой остались только озлобленные горожане, самые внушаемые, горластые и тупые. Казнь медленно но верно превращалась в гнусное, поставленное на скорую руку кровавое шоу, где роль жертвенного мяса отдана людям, моим людям, что по своей глупости пытались предупредить и спасти своих будущих палачей.

На площадь вкатили бочки с вином, народ орал здравицы управляющему и грязные проклятья в сторону узников, а еще им доставались тухлые овощи и нечистоты. Люди, разгоряченные вином и речами оратора, поливающего дерьмом стоящих на коленях избитых приговоренных, твердо уверились в их грехах, красивые слова надежно ложились на мягкую почву разжиженных вином мозгов. К пособничеству оркам, убийствам горожан и стражи прибавились заговоры, измены жителям «славного великого поселения» и доносы. Самодовольные, безмозглые ублюдки. Мои люди хоть и привели орков под стены, но хотя бы попытались поступить благородно, а эти… Эти уроды все просрали и отмывают руки, вместо мыла пользуя элиту моего клана, а вместо воды кровь.

Потянуло дымом — это Трис вместе с наемником разграбила и запалила первый трактир. Разгоряченная предстоящим зрелищем толпа еще не скоро заметит только занимающийся пожар, и огонь перекинется на соседнее здание и здание на противоположной улице, другом конце города… С запасом ядерного горючего пойла из погреба огонь неплохо раскидывается, разбивая стекла и растекаясь по деревянным внутренностям, пожирая все, до чего могут дотянуться его

жадные языки. Толпа зашевелилась, заволновалась, послышались громкие крики женщин и пока еще тихий плач их детей, а мужики толпой стали ломиться спасать имущество, как свое, так и чужое, суета и паника развязала руки многим ничтожествам этого славного места. Создавая давку в узких местах, роняя и топча менее расторопных люди ринулись прочь, туда, где валил дым и весело плясало пламя. Стража в растерянности сгрудилась вокруг эшафота и заключенных, всем сердцем горя желанием сломя голову бежать к колодцам и спасать родные дома. Город не сгорит, не успеет, столько рук потушат его быстро, излишне быстро…, но может и не успеют…

Я отлепился от стены и вышел из тени в которой прятался, ожидая подходящего момента. Беснующейся толпе было как-то плевать на еще одного стража порядка, зато после недавних убийств сами стражники были настороже.

— Ты кто такой?! — я не удостоил крикуна даже взглядом, продолжая двигаться дальше, постепенно теряясь среди беснующихся людей.

— А ну стоять, паскуда, пока ноги не переломали! — надо же, какой смелый.

Я остановился. Не люблю, когда мне хамят. Особенно, когда тороплюсь. Окрестности огласил хруст ломаемых ног и надрывные вопли стражника по которому успел потоптаться кто-то излишне ретивый, добавляя еще больше паники. Пока он орал и пытался подняться, я потерялся среди толпы и «выплыл» с другой стороны, где стражи не оказалось, многие из них поспешили на крики товарища. Появляясь то здесь, то там я ранил и калечил их по одному, пока в наряде стражника ко мне не присоединился Стив и шурша юбками, кивнув головой, не промелькнула Трис. В царящей неразберихе я выпустил из клеток всех приговоренных, и они сразу же кинулись в рассыпную, спасая свои жизни из столь не гостеприимного места, совершенно не стесняясь бежать по упавшим в давке телам.

Пытающегося бежать обвинителя, так умело и ловко делающего из трясущегося за свое место ничтожества гордого защитника и покровителя, а из ни в чем неповинных бродяг дьявола я перехватил еще на помосте, схватив за щиколотки и резко дернув ноги на себя. От неожиданности, потерявший опору оратор стал заваливаться вперед и с приятным слуху хрустом рожей приласкал дубовые доски. Я стянул пускающего кровавые пузыри мерзавца за эшафот, где с непередаваемым удовольствием избил. Сегодня день казни, не так ли? Так почему бы не отправить на тот свет хотя бы одного мерзавца? Горожане даже не обернулись посмотреть, как один из стражников запихивает в

петлю отчаянно вырывающегося избитого горлопана.

— Зачем? — спросил Стивен.

— Из любви к искусству. — зло, не оборачиваясь ответил я.

— Повелитель. — Трое из клана почтительно склонили передо мной головы в знак благодарности и уважения.

— Уходим, быстро. Стив? — готовивший отход наемник дубиной и добрым словом распихивая в стороны не успевших убраться в сторону горожан, подвел нас к боковому входу какого-то строения, где перешагивая оглушенных зевак мы бегом добрались до верхнего этажа и выбрались на не успевшую остыть от жаркого полуденного солнца черепицу. Теплый вечерний воздух наполнил легкие, чуть прохладный ветер донес усиливающийся запах дыма и гари на фоне мерцающего зарева зарождающегося пожара, у нас получилось попрощаться достойно. С площади наш отряд ушел крышами стоящих вплотную домов.

Я честно попытался раскаяться в смерти горожан и стражей, но получалось откровенно хреново, к тому же повешенный…, (я мысленно фыркнул) никто меня почти не видел, не опознает, значит это не убийство, а несчастный случай. В целом еще одна смерть ничего не решила, но принесла некоторое удовлетворение от процесса. В принципе, меня можно даже понять, оказавшись среди людей я надеялся что найду если не помощь, то безопасность, но вот оно как обернулось… Вместо комнаты в трактире приходится ждать глубокой ночи сидя на грязном, убогом, прогнившем чердаке у городской стены, не издавая ни единого громкого звука, чтобы не получить порцию стали в лицо. В кругу друзей…, в этом есть доля романтики, но…

— Какого дьявола вы остались в городе? — шепотом спросил я освобожденных.

— Повелитель, мы пытались предупредить, а потом наравне со всеми защищали улицы города. На утро дом, где мы остановились обложили хворостом и грозили сжечь, если мы не сдадимся. Никто из нас и подумать не мог, что стража вздумает повесить на нас всех собак.

— И вы сознались? — поинтересовался я.

— Здешний управитель быстро назначил виновных, а убеждать он умеет… Но он совершил ошибку связавшись с кланом! — Немного поспешно, но с гордостью заявил возрожденный.

— По моему ошибка у него в ДНК, и будет обидно, если она отразится в потомках.

— Мы с удовольствием все исправим… — я оборвал свернувший не туда разговор.

— Один раз уже исправили. — мрачно вставил Стив, заслужив три пары многообещающих взглядов.

— Хватит. Мне плевать на идиотизм управляющего отдельно взятого городишки, это проблема барона на чьей земле его построили, у нас есть дела важнее. Мне необходим совет. Сомневаюсь, что смогу решить подобное в одиночку… Если коротко, я заключил союз с племенем орков, чтобы плечом к плечу встретить набирающую силу орду. — В темном углу чердака наступила звенящая тишина.

— Бедным селянам не нравится, когда их едят, — осторожно начали мои воины.

— Я в курсе, что орки жрут человечину, и не потому, что нужен протеин, а потому, что им это нравится, но с этим племенем я заключил СОЮЗ, союз скрепленный клятвой предков!

Снова тишина. И это были верные мне воины, только что избежавшие смерти, или же уже успевшие провести с племенем Грыма не первый день, и все равно трудно уверить их в добрых намерениях исконного врага, через что же мне придется пройти убеждая селян? Да я сломаю голову объясняя, что наши орки белые и пушистые! Хотя, моего авторитета должно хватить, чтобы мне поверили, как-никак своей жизнью мне обязана добрая половина баронства.

— Я уже сражался рядом с Грымом и он ненавидит свой народ еще больше чем все мы вместе взятые, — это Стив наконец догадался меня поддержать, а Триса неуверенно кивнула в знак согласия. — Но мне кажется он не станет спокойно терпеть, если кто-то из дружины замка станет провоцировать его воинов. А они станут, среди хороших солдат всегда найдется пара горячих голов.

— А Стив в чем-то прав, среди стражи, наемников и дружин наберется десятка два мстительных идиотов, решивших отомстить такому близкому олицетворению врага. Это может стать проблемой… Придется не только своевременно остужать ретивые головы, но и держать орков на расстоянии. И под охраной. И не для того, чтобы защитить от орков людей, а чтобы идиоты не сорвали все не испортили.

— Я слышал, что орки чтят клятву предками, и если такова воля повелителя, мы не только будем сражаться вместе, но и станем звеном между орками и людьми.

Красивые и правильные слова. Вот за что люблю воинов клана, так это за наличие мозгов и понимание, что я ничего не делаю просто так. Если назвал орков союзниками, значит так нужно, необходимо для выживания. Клан всегда поддержит своего повелителя даже без такой мелочи, как прямой приказ, что

невозможно нарушить.

За тихой неспешной беседой прошло несколько часов, города мы покинули далеко за полночь, по веревкам спустившись с крепостной стены. Без лошадей и припасов, но в приличной, даже дорогой на вид одежде и хорошим запасом трофеев, спасибо «хозяйственной» Трис, и тяжелым свертком оружия, что с успехом можно не только выгодно продать, но и обменять на несколько лошадей. А уж чему я действительно обрадовался, так это прозорливости Стива, в царящей на площади неразберихе он догадался освободить от тяжести монет не один десятом охочих до зрелищ толстосумов. Так что ко всему прочему в общей копилке весело позвякивало серебро и золото.

Где-то через день, пройдя условную границу баронств нас нагнал караван по меньшей мере из двадцати торговых фургонов, запряженных парами лошадей. Ткани, не здешнее вино, различные специи, безделушки, слабые амулеты, меха, кое-что из инструментов и редких в вольных баронствах материалов, мелкие диковинки и детские сладости — ничего особенно дорогого и ценного, но все востребованное простыми крестьянами. Но не это главное, лошади, заводные лошади, когда-то навьюченные провиантом, а ныне пустыми плетущиеся в хвосте каравана. Нам нужны эти лошади.

— Эй парень! — я окликнул роющегося в тюках головного фургона юношу. — Проведи к старшему, есть разговор.

— Дядька Потап! Дядька Потап, тебя тута, спрашивают! — Раздался перестук копыт пущенной в галоп лошади и нашему взору предстал загорелый до черноты, поджарый, сухощавый торговец.

— Что орешь?! — И уже к нам, — чего надо?

— Мы хотим купить шестерых лошадей.

— Если о цене сговоримся, то купишь, — внимательно оценивая всю нашу компанию ответил торговец. Такой противно-прилипчивый пронзительный взгляд, создавалось ощущение, что тебя раздевают, тщательнейшим образом оцениваю каждую вещь, каждую тряпку, потом все это плюсуют и дают вердикт, стоит ли с тобой разговаривать. — Сто монет.

— Да ты охренел, торговец?! На любом рынке возьмут пятьдесят!

— Вы где-то видите рынок? — хитро прищурился торговец. — Таки может мы уже приехали и лошади вам не нужны?

— Шестьдесят.

— Ну что вы такое говорите, за таких прекрасных скакунов совершенно не жалко отдать девяносто пять.

— Чертов торгаш, ты меня за дурака держишь? За этих

степных кобыл я не дам больше восьмидесяти, и то, только чтобы не выслушивать бредни о больных родителях, непорочной жене-матери пятерых голодных детей, что придется пойти на панель, не выложи я десять лишних монет.

— Ой, вэй! Откуда знаешь о моей беде?! — чуть не всхлипнул почувствовавший наживу ушлый торгаш, ей богу если бы не успокаивающая рука Трис на моем плече, я бы вцепился ему прямо в глотку, не взирая на десяток охраны.

— Я передумал, семьдесят.

— Зачем так, восемьдесят самая правильная цена за моих прекрасных лошадок. Забирай конечно, для таких хороших людей ничего не пожалею!

Так как меня малость начало потряхивать от наглости этого человечка, делами занялся Стив, попутно впихнув караванщикам весь балласт в виде железа, отсчитав остальное наличностью. Умом то я понимал, что восемьдесят монет это ничто, по сравнению с доходом баронства, но когда тебя обворовывают при этом мило мило улыбаясь прямо в лицо… К счастью для каравана время было дороже и буквально утекало сквозь пальцы, мы торопились оказаться на землях де Гонзак и закрепить договор с Грымом, пока его племя нас ожидает. Минут через двадцать обратно вернулся Стив, необычно молчаливый и задумчивый, для своего пронырливого характера, покручивая в руках кожаное крепление на пояс для кнута и сам кнут.

— Подарок от торговца… — Пояснил Стив.

— Боюсь даже представить насколько нас в итоге надули. — Зло бросил я и пришпорил коня.

Глава 10. Дом, милый дом

— Анст ты жив! — к моей груди прижался вихрь черных волос, а в нос ударил мягкий, едва уловимый цветочный аромат духов. — Айн сказал, ты остался в пустыне почти один, а после он перестал чувствовать твою силу. Анст, прошу, не делай так больше, мне больно без тебя.

— Сильвия, дорогая… — расчувствовавшись я крепко обнял вампиршу, такую мягкую, родную, и тихонько прошептал, — не замечал, что ты так сильно меня любишь.

— Анст, я очень волнуюсь за тебя, сегодня ты снова стал каким-то другим… Еще и этот ребенок, закутанный в плащ, где ты вообще его подобрал?

— Потом, все потом. — немного более черство, чем следовало ответил я.

На показ поприветствовав Сильвию, я неспешной походкой, достойной чистокровных аристократов, предварительно смерив присутствующих слуг надменным уничижительным взглядом, направился в свои покои подальше от встречающего своего господина народа, не забыв прихватить с собой маленького внука Грыма, по самый нос закутанного в тряпки. Его следовало хорошенько отмыть, привести в порядок и основательно подучить манерам, прежде чем показывать совету баронства. За это дитя, перепуганное до дробного стука зубов, я отвечаю собственной головой перед его дедулей, но тащить в замок самого орочьего вождя было бы еще большей глупостью, все же ребенка легче обучать. Надеюсь, через пару недель он привыкнет к обстановке и достойно сможет представить свое родное племя первыми лицами баронства, а пока им займутся женщины клана, больше мне некому доверить такую сомнительную честь.

— Отмыть, одеть, обуть, накормить и обучить этикету. За сохранность отвечаете головой. Это внук вождя наших союзников.

— Как прикажете, господин барон, — маленького Ыргху бережно подхватили под руки и увели в соседнюю комнату. Если кто-то чему и удивился, то виду не подал, мои приказы редко обсуждаются.

Оставшись один, я скинул с себя всю купленную в дороге одежду, она хоть и была прекрасного кроя и отлично сидела, но прежде принадлежала трупу неудачливого дворянина. Ее было более чем достаточно, чтобы въехать через главные ворота, однако я не настолько беден, чтобы носить обноски на постоянной основе. Снятые тряпки отправились в мусор, а их место на старательно вымытом теле заняли традиционные

одежды эльфийской высшей знати, стоящие целое состояние и которые невозможно достать человеческому аристократу.

— Рассказывай, — настойчиво потребовала подкравшаяся сзади Сильвия и изящным движение ноги отправила валяющуюся на полу грязную одежду за дверь. — Что, к дьяволу, произошло и что за «украшение» у тебя на шее? — я немного помолчал, обдумывая ответ и заново анализируя события последних дней, а только потом решился ответить.

— Война, Сильвия, грядет большая война, которая основательно расшевелит вольные земли и как минимум уполовинит их население. Я не просто так протирал штаны, сидя на цепях в вонючих пещерах орков, там я понял одну важную вещь — дикарям не доставляет радости факт, что мы укрепляем границы, и они далеко не просто так участили набеги.

И про себя добавил, что это не нравится еще некой третьей стороне.

— Пещеры? Так орки живут в пещерах? — удивилась Сильвия.

— О, да, они живут и здравствуют в пещерах, где есть еда и вода, разводят на поверхности скот, кочуют по степи, грабят и убивают, но это мелочи. Главное, как поступать им указывает человеческий маг. Да-да, не делай такое лицо, ты не ослышалась, как поступить им указывает человек. И указывает он в сторону вольных баронств.

— Что?! — Сильвия изменилась в лице, — как?!

— Не имею ни малейшего понятия как он там оказался, почему его слушали, ровно как и то, кто за всем этим может стоять. Этот ошейник, — кончиками пальцев я прикоснулся к прохладной стали у себя на шее, — его прощальный подарок, который качественно запечатал остатки моих сил. В конце концов я узнаю, кому это может быть выгодно, вот только причина ненависти к баронствам подождет, сейчас придется готовиться к последствиям, которые нам так любезно навязали. После того как орки оправятся от моего побега, не понадобится никакого мага, чтобы те догадались отомстить.

– ***… — Сильвия грязно выругалась. — Замок они, конечно, не возьмут, но деревни, рудники, форпосты, все превратятмв руины. Проклятье, Анст, все, над чем мы трудились, наш дом, наша мечта, клан… — Я обнял потрясенную услышанным вампиршу.

— Думаешь я так просто позволю все разрушить, уничтожить плоды наших упорных трудов? Не-ет. У нас уже есть *свои* орки ненавидящие собственный народ, мы знаем *где* обосновались наши враги, как и чем они живут. К северу и к югу есть десятки

баронов, которые готовы продать душу, чтобы встретить нашего общего врага на равнине. А еще у каждого из баронов есть пехота, наемники, рыцари и тяжелая конница, и я клянусь, что дам ей возможность потоптаться на остатках орды. Мы соберем всех, кого сможет и тогда посмотрим, кто станет победителем. И, конечно же, все эти силы будут прикрывать именно нас.

— Я немедленно подготовлю послания баронам и распоряжусь о патрулях!

— Еще придется остановить строительство и вывести рабочих с границы, смерть артели гномов нам не простят. И еще… Постарайся не поднимать панику, мы не сможем укрыть за стенами замка всех. И, на всякий случай, позаботься о запасах провизии.

— Как пожелаете, повелитель, — поклонилась Сильвия, за этот короткий миг она преобразилась. Сейчас рядом со мной была не сбитая с толку шокирующей новостью женщина, а умудренный жизнью вампир, готовый на все, чтобы вырвать сердце молящему о пощаде врагу, именно такой она нравится мне больше всего, моя баронесса…

Дальше я решил отправиться к Турусу, проблему с осточертевшим ошейником нужно было как-то решать, а кто как не первый жрец светлой богини мог знать способ избавиться от сковывающего мою шею артефакта? На него я возлагаю последнюю надежду, не сможет он — не сможет никто, и придется искать новые альтернативы, новые не самые приятные компромиссы.

— Что скажешь, Турус? — Инквизитор наклонился и поскреб поверхность ошейника ногтем.

— Хм… Похоже на кольцо Девалоса, крайне дорогая и редкая вещь, где ты…

— Неважно, — нехотя процедил я, — как его снять?

— Принести подношение храму и регулярно возносить искренние молитвы. Пресветлая ценит упорство и, возможно, дарует свою милость просящему.

— Турус, млять, кого ты лечишь?! Какое упорство? Скажи, Ты сможешь его снять *сейчас*?

— Мне не нравится твой чрезмерный рационализм, — нахмурил брови священник.

— А мне твой идио… Ты можешь снять эту дрянь?

— Нет. — коротко и четко ответил Инквизитор, чуть более резко и раздраженно, чем мне бы хотелось услышать — и никто из смертных не сможет. Сожалею, Анст.

А меня, тем временем, так и подмывало послать этого святошу далеким эротическим маршрутом со всеми его

сожалениями, но я засунул свою досаду как можно глубже, чтобы ни единой капли не отразилось на лице. Если не сможет смертный, значит сумеет кто-нибудь еще, и я не успокоюсь, не перестану бороться пока снова не стану свободным. Сделав непроницаемую физиономию, а голос пугающе безразличным, я ответил первому жрецу:

— Ничто не может быть по-настоящему вечно, даже боги. Когда-нибудь этот кусок металла не выдержит моего упорства и я снова стану собой. — Турус зябко поежился от этих слов.

— Я бы попросил…

— Не будем ссориться, Турус. С друзьями живется легче, чем с врагами, а жить я собираюсь пиздец, как долго. К тому же до сих пор наше сотрудничество приносило очень неплохой доход. — На этих словах я предпочел покинуть ставшего задумчивым бывшего инквизитора, а ныне первого жреца при моем баронстве. Впрочем бывших среди инквизиции не бывает, не стоит этого забывать, и наш маленький бизнес завязанный на демонолога лишнее тому доказательство.

Потерпев неудачу в одном деле, я сразу принялся за другое, чтобы по максимуму загрузить себя работой и не думать ни о чем кроме судьбы своих земель, чтобы как можно дольше не вспоминать сколько я потерял. С этого момента началась подготовка военной машины баронства, точнее моей военной машины. Прекратились изнуряющие тренировки рекрутов, всем более-менее умелым выдавалось оружие, и их отправляли к границе, из деревень и сел реквизировались и скупались лошади и продовольствие. Пока никто толком не знал в чем причина, но о надвигающейся беде подозревали многие, и к стенам замка начали тянуться первые караваны с женщинами, стариками и детьми. Среди мужчин стали формироваться дружины, которые плавно перерастали в полноценное ополчение. В числе жителей вольных баронств не бывает откровенных трусов, каждый знает какие «животные» населяют степь, это их выбор, их жизнь, и они привыкли не только выживать, но и давать отпор.

Однако люди боялись, боялись неизвестности, выдвигающихся к степи новых и новых объединенных отрядов наемников, солдат и дружин со всех окрестных земель. Они вздохнули с облегчением, когда всех необученных сражаться отвели далеко вглубь вольных земель, а остальных начали вооружать и размещать в замках и крепостях. Шестеренки войны крутились, как хорошо налаженный механизм, полностью готовый перемалывать тела как орков, так и людей. Прослышав об общем враге равнодушным не остался никто, даже гномы выставили знаменитый своей несокрушимостью хирд, все ради

того, чтобы пустить кровь старому врагу. Но не все было так просто и радостно, были проблемы, которые не решишь мимолетной интригой или жестким приказом. Сегодня я собрал первых лиц баронства, чтобы представить им наших новых союзников, мда…, союзников.

Глава 11. Это война

Не можешь победить честно,
тогда просто победи.

/железная логика/

Совет вольных баронств.

— Они нас предадут! — упрямо гнул свою линию старейшина гномов.

— Скажи, Рогмир, — вкрадчиво спросил я, — а хорошо будет, если одни орки будут убивать других?

— Но потом нас все равно предадут!

— Вот когда предадут, тогда и порубаешь их к чертовой матери, а пока они на нашей стороне в этом ни крупицы смысла! — я начал терять терпение, глядя на такое тупое упорство со стороны уважаемого гнома. Чертов упрямый бородатый недомерок.

— Сердца людоедов обращены во тьму, не стоит доверять подобным созданиям спину, — подлил масла в огонь Турус. Нашел время для своих проповедей, когда мы с ним познакомились, его мораль была куда как гибче, и об этом я ему с удовольствие напомню.

— А я-то наивно подумал, что тьма уничтожающая тьму это так… так по светлому! — Турус аж передернулся и волком посмотрел на меня, но промолчал, уловив намек на наш маленький бизнес из раздела демонологии и какие «светлые» средства там использовались в борьбе со злом.

— Я считаю, что на счету каждый меч, даже если он принадлежит орку. — браво начал кто-то из дежуривших солдат.

— Если уважаемые гномы не хотят сражаться рядом с ними, то это сделаем мы, в конце концов, в строю хватит места для всех желающих. Не обещаю, что мои парни будут прикрывать орков, рискуя жизнью, но и в спину мы не ударим, будьте уверены. Раз уж их самих заготовил на мясо собственный народ, причины сражаться у них весомые. — Рассудил Понтий, старший замковой стражи и один из офицеров нового войска.

— Гномы не встанут бок о бок с орками!

— Да никто и не просит! Но если вдруг встретишь двух сцепившихся насмерть зеленорожих, постарайся не убить того, кто будет в цветах баронства, возможно он сумеет забрать на тот

свет еще парочку-другую сородичей.

Гномы хмурились, пыхтели, но молчали. Насколько мне известно, бородатые коротышки попали меж двух огней, с одной стороны они обязаны за мной приглядывать и вызнавать, что понадобилось властолюбивому эльфу среди людей, с другой они не смогут этого сделать, ведь в случае отказа я их со свистом вышвырну из замка не взирая на потери, за каким чертом мне лишние рты во время осады? Встревать в сражение привыкшие к киркам и кузням гномы не имели ни малейшего желания, но и не видели лучшего способа укрепить свои позиции при моем баронстве, да и не привык этот гордый народ отсиживаться за чужими спинами. Поставив их перед фактом, я приобрел неплохих союзников и просто отличных бойцов с великолепным оружием и не менее великолепными доспехами.

Худо-бедно, матерясь и пререкаясь, но мы пришли к компромиссу и на затаившегося в страхе перед грядущим орченка больше не бросали столь ненавидящие взгляды, как ранее. Все отлично знали, что вырасти он среди своих, то жрал бы человечину с блаженной улыбкой, но судьба распорядилась иначе — он сам превратился в мясо, а как следствие в нашего союзника. Союз людей, гномов, орков и эльфа в моей скромной персоне, как бы странно это не звучало, но представители четырех рас встали бок о бок перед лицом общей беды. Дьявол, неужели для всеобщего замирения достаточно одной единственной катастрофы? Что ж, посмотрим, что будет с нашим союзом после.

Внезапно двери в зал распахнулись и вбежал запыхавшийся гонец.

— Милорд, большая орда! Тысячи! — Черт, мне казалось у нас будет больше времени…

— Надеюсь все поняли, что медлить нельзя? — я привстал с кресла, оперся на стол руками и тяжелым взглядом обвел всех присутствующих. Время разговоров подошло к концу и бледное, взволнованное лицо гонца лишнее тому доказательство.

— Баронство де Хорст признает новых союзников. — нехотя произносит первый барон и эти слова прорывают хрупкую плотину тягостного молчания, новую силу, силу верную именно мне признали почти все присутствующие.

Да, пока мои орки малочисленны, да их основную массу составляют женщины, старики и дети, но дети вырастут, а женщины снова родят. Выносливость и сила орков в сочетании мастерства кузнечного дела с равнин, советов прирожденных оружейников гномов…, я уже сейчас чувствую силу и перспективы нового союза. Если признать нашествие всепожирающей саранчи стихийным бедствием, а большая орда

таковым и является, то перед лицом этой беды мой союз признало абсолютное большинство. Спесь, гордость и нерушимое слово высшей аристократии еще долго не позволят в открытую притеснять моих новых подданных, а потом, как всегда, станет поздно.

— Приветствую тебя Грым. — Перед боем я посетил стойбище орков. Вождь встрепенулся, повернул голову и сдержанно кивнул, в их среде «людские» церемонии не очень-то приживались, перевариваясь в желудке вместе с мясом.

У обеденного костра топтался здоровенный пузатый орк и огромным деревянным половником изредка помешивал сомнительное варево в столь же огромном котле в качестве солонки с успехом пользуясь черепом. Поселившись на землях людей дикари не спешили отказываться от старых привычек, лишь заменим человечину на мясо животных, но и это было не плохое начало.

— Анст, для чего ты стал лордом? — неожиданно прорычал вождь.

— Хм… — я на секунду задумался над ответом. — Понимаешь, еще в раннем детстве я осознал, что среди разумных нет равенства. Кто-то рождается сильным, кто-то слабым, простолюдином или в семье благородного, но более удачливые всегда унижают тех, от кого она отвернулась…

— Захочешь это исправить?

— Я? Зачем? — мы еще немного помолчали и я продолжил, — мне достаточно исправить себя. Иначе говоря, скопить достаточно силы и золота, чтобы ни один смертный не смел указывать что я должен делать и как. И ты стал частью моей силы. — на что орк самозабвенно захохотал.

— Я сказал что-то смешное?

— Ты удачливый вождь. Ты выжил и помогаешь жить нам. — Вождь снова осклабился, — мы согласны стать твоей силой, но там — кивок в сторону степи, — силы больше и нас убьют.

— Уверен? — Орк задумчиво молчал. — А сам ты разве не боишься смерти?

— Я? Зачем? — повторил мою манеру речи вождь, — я умер еще тогда, когда на мое стойбище объявили охоту. А мои воины умерли, когда не смогли его защитить. Мы не боимся смерти, мы давно мертвецы. Клянись сохранить мое племя и получишь не союз, а верность каждого не рожденного воина!

— Клянусь. — Я ответил не задумываясь, спокойно и без лишних эмоций, это и так входило в мои планы, а Грым снова заулыбался. Печально, что он не надеется выжить в предстоящей мясорубке и заранее хоронит всех нас.

— Тогда нам пора, — рыкнул Грым, бросил к костру пустую посуду и стал одевать на себя доспехи, выкованные в кузнях баронства из лучшего железа, добытого в шахтах долин и переплавленного гномами.

Это были тяжелые латные доспехи, в некоторых местах толщина достигала полутора сантиметров — не меньше сотни килограммов самой отборнейшей стали, что можно достать в вольных землях близ империи. Вождь орков медленно превращался в машину смерти собранную из тугих мускулов и металла, готовую умереть, выполняя приказы. От вида сорока таких воинов в стороны расступались потрясенные зрелищем люди, и даже гномы задумчиво дергали бороду, прикидывая, как долго продержится их хваленый хирд под ударами этих стальных монстров с огромными топорами и мечами в руках. Однако орки, пусть и одетые в хорошие доспехи, яркие индивидуалисты по своей природе, не способные сражаться в строю, и были бы бесполезны в центре, зато идеально подойдут, чтобы заткнуть любую дыру и предотвратить прорыв, который неминуемо закончится кровью людей.

Впереди орков ровными шеренгами дисциплинированно выстраивались объединенные дружины баронств, в любой момент готовые уткнуть острые копья в рожи показавшихся далеко впереди дикарей. Линию строя ровно посередине разрывали гномы, их, как и воинов орков, было не много, но именно этот бородатый железный кулак не только удержит строй в самой уязвимой точке, но и хорошенько потопчется железной «коробкой» по рядам обезумевших от крови дикарей. Чуть позади нервно переминалось с ноги на ногу ополчение, перешептываясь и старательно подбадривая друг друга, создавая непрерывный, непереводимый гул голосов.

А впереди всех стояла конница, рыцари — непревзойденная по своей эффективности элита элит, сплошь состоящая из мелких дворян, баронов и младших сыновей высшего света империи. Зачарованная броня за сотни, а порой и тысячи золотых империалов, передающаяся из поколения в поколение, невообразимая мощь, сила, неудержимость — вот, что представляет из себя конный рыцарь. Ровные шеренги солдат, казавшиеся несокрушимыми, в таранном ударе рвались на части словно тонкий лист бумаги, настолько страшен и фатален удар тяжелой конницы. Массивные бронированные с головы до кончиков копыт специально обученные боевые кони, везущие на своих спинах под два центнера упакованного в латы натренированного убивать тела … Вся эта тяжесть на полном скаку и врезалась в разрозненных, бегущих в нашу сторону

зеленорожих ублюдков, оставляя за собой изломанные, кричащие от боли тела и трупы. Недолгие минуты рубки, пока маги сдерживают шаманов, и конница откатывается, чтобы несколькими минутами позже набрать скорость и снова стальным кулаком измочалить остатки первых рядов.

Волны тел, сталкиваясь друг с другом, оставляли за собой погибших и раненных с обеих сторон, разрывая тишину лязгом железа и криками команд. Но нападающих было больше, много больше, чем гордых защитников вольных земель, и они неумолимо двигались вперед, приближая развязку. Вскоре у рыцарей не осталось разбега и они едва успевают убраться в стороны, чтобы не оказаться зажатыми меж двух огней и не попасть на копья своих же солдат, застряв в точке сшибки двух армий. В надвигающуюся волну разрядили свое оружие арбалетчики, сделав не менее двух залпов каждый, начисто выкашивая самых быстрых и смелых. Орки падали, катились по земле влекомые инерцией, заставляя своих товарищей перепрыгивать препятствие, чтобы не упасть и не оказать затоптанным бегущими позади, как первые из раненных. Именно эту, потерявшую изначальную скорость толпу и приняли на копья первые шеренги солдат.

Строй дрогнул от удара, выгнулся дугой от накатившей массы, но гномий хирд не просто так считается несокрушимым! Метр за метром, чередуя удары и шаг, гномы успешно теснили врага. Но вместе с воинами орков приблизились и их шаманы, а вместе с ними в бой вступили и призванные алчущие человеческой крови духи. Теперь уже пришла очередь людей умыться кровью, теряя своих десятками, не взирая на ожесточенное сопротивление магов. Слишком много собралось зеленорожих высохших стариков с посохами, сделанными из позвоночников и черепов сожранных заживо разумных, чтобы связать противостоянием каждого из них. Такое чувство, что все без исключения твари повылазили из своих вонючих нор с одним единственным желанием стереть с лица земли территорию вольных баронств.

Стоя на возвышенности я видел все, эльфийское зрение позволяло разглядеть даже перекошенные от ненависти орочьи рожи, не говоря уже о ситуации в целом. Мы проигрывали. Даже хваленые гномы предпочли отступить наравне с людьми, чтобы не оказаться в окружении неприятеля. Некогда ровные шеренги строя пошли «волнами» и поредели настолько, что на место павшего воина вставал не точно такой же вооруженный солдат, а посредственно обученный, трясущийся от страха ополченец, почти мгновенно освобождая место для следующего бедолаги. Не

спасали ни рыцари, вполне успешно наскакивающие на фланги в своей излюбленной манере, ни воины Грыма, что будучи живыми танками хоть и действовали чудовищно эффективны, но оказались слишком малочисленны. Дошло до того, что на меня и стоящих рядом магов нацелилась часть шаманов, и теперь вместо помощи войску они отвлеклись на нашу защиту.

Ситуацию спас Турус, оперевшись о посох он возвел глаза к небу и начал шептать молитвы Пресветлой, и над нами сразу же зажегся шар чистейшего света. Лучи, вырывающиеся из слепящей своей белизной сферы рвали на части любого из воинственных духов, даря нашим магам возможность снова сосредоточиться на сражении и безопасности отдающих свои жизни солдат. На все это я смотрел отрешенно, непроизвольно фиксируя в памяти каждый миг сражения.

Внезапно Стоящая неподвижно и оберегающая своего повелителя Сильвия сорвалась в бок и отбила пущенную в меня стрелу. Я сразу же плюнул на тупое созерцание действительности, как только опасность стала грозить непосредственно мне и развернулся следом, чтобы увидеть открытый портал, портал из которого один за другим валили орки. На удивление этим тупорылым созданиям прущим всегда на пролом хватило мозгом напасть на магов, вот только если я отправил для этого клан, то у них оказался портал. Твари!

Пока я выхватывал мечи, в вампиршу стреляли уже семеро, восьмого разрезало пополам схлопнувшимся окном перехода, но и этого было более чем достаточно, чтобы натворить дел. Их стрелы без усилий проходили сквозь любую выставленную магами защиту, безошибочно находя свою цель. Видимо меня приняли за эльфийского мага или же разъяренные орки узнали бывшего пленника, поскольку все стрелы предназначались именно мне. Сильвия добровольно стала моим щитом. Перехватив меч за крестовину, она прикрыла ей лицо, а широкое лезвие надежно защищало сердце, но о лезвие сломалась только одна стрела, остальные с успехом поразили вставшую перед стрелками мишень. И пусть она все еще была жива и стояла на ногах, возможно даже смогла бы сражаться, но… Я уже понял, знал…

Пока лучи чистейшего света и заклинания магов рвали на части орочьих воинов, я подхватил оседающую на землю Сильвию и бережно опустил перед собой, едва ее голова опустилась мне на колени, как изо рта вампирши хлынула кровь. Она молчала, не пыталась говорить. У меня горле встал комок, мешающий дышать, говорить. Точно такие же зеленомордые ублюдки недавно пытали меня, а теперь решили отнять самое дорогое, что

у меня осталось. Все, что она могла это стиснуть от боли зубы и молчать, щенячьи преданным и полным мольбы взглядом уставившись мне в глаза. По ее щеке катилась слеза, достигнув губ она смешалась с кровью и красной каплей упала с подбородка. Я прижал ее голову к груди, но перед глазами все равно было ее лицо, в котором не было отчаяния, горечи или сожаления, нет, в нем была только боль и какая-то детская надежда, что я смогу все исправить, в то время как я не мог ничего. Я посмотрел на сферу божественного света, на Туруса, на лбу которого от напряжения собирались бисеринки пота, на судорожно сжимающих накопители магов — всем им не было ни какого дела до той, что сейчас умирала. Будь я проклят, если снова попрошу помощи этого святоши или пойду на поклон к своенравным богам, мне плевать на человеческих магов, все, что могут они, сможет тьма!

— Гленд! — я подскочил к сконцентрировавшимся на бое сосредоточенным магам, схватил за шиворот своего демонолога и швырнул в сторону Сильвии. — Черти пентаграмму призыва.

— Но…

— Я сказал черти! — от боли Гленда выгнуло дугой, мое слово закон, ослушание боль, этот крест на каждом присягнувшем. — Вызови Горлума.

Ползающий на коленях Гленд стал торопливо вычерчивать вокруг Сильвии замысловатый рисунок призыва ее же собственной кровью. Да, в моем состоянии невозможно пробиться в доминион, а усилия одного единственного демонолога тщетны, понадобились бы десятки замученных жертв, но будет вполне достаточно и страданий тысячи погибших на передовой солдат. Близость перехода поможет излечить смертельные раны Сильвии и ей не придется неизвестно сколько ждать когда я перестану быть беспомощным словно младенец. Надеюсь не смотря на отдаление от битвы у Горлума получится…, в любом случае кое-что он сделать сможет…

— ПОВЕЛИТЕЛЬ! Горлуму трудно, но он ответил на зов! — провыл сотканный из черного дыма силуэт, постепенно обретающий плотность и четкость. Я заглянул в самую глубину глаз моего темного создания, казавшиеся двумя провалами в самую глубину ада, сулящие века непрерывных мучений, и вместе с тем беззаветно преданные и родные. Я понимаю, ему тяжело, до сих пор ни один призыв без моего участия не был успешным, и он смог пробиться только потому, что в центре пентаграммы лежит и умирает Сильвия с частью моей тьмы в своей душе. До этого мне хватало ума не экспериментировать и не толкать членов клана в круг призыва, но время не терпит.

— Горлум! Отдай мне силу! Всю силу!

— ПОВЕЛИТЕЛЬ! — как ребенок обрадовался демон, довольный что может угодить своему создателю. Он с присущей ему пугающей непосредственностью стал выполнять приказ. А после в меня ударила целая река накопленной силы, рвущаяся из доминиона к своему господину.

Хлынувший поток буквально смел стены тюрьмы, возведенные шаманами для моей темной сути и стал разрушать не приспособленное для такой энергии смертное тело. Стремительно нараставшие мышцы растягивали и рвали кожу, одежда превращалась в пропитанные густой черной кровью лохмотья. Трещали кости, ломались и заново срастались ребра, выгибались суставы… Я менялся. И все это сопровождалось болью, дикой, необузданной адской болью, заставляющей сознание забиться глубоко во тьму, оставляя на поверхности беснующееся, кричащее животное. А апофеозом изменения стали распахнувшиеся во всю ширь черные кожистые крылья и лопнувший на шее рабский ошейник.

— Я ВЕРНУЛСЯ!!!

Турус.

Мне пришлось вступить в бой и призвать на помощь все доступные силы, дарованные Пресветлой своему верному служителю. Сфера света — сильнейшее оружие инквизиции, выжигающее скверну и тьму, сокрушающее любого врага, посмевшего бросить вызов воле богини, щит и меч ордена инквизиции, слитые воедино. После недолгой молитвы Пресветлая сама наполнила их силой, даруя надежную защиту и оружие своему жрецу. Мне, как простому смертному, приходилось прилагать большие усилия, чтобы держать такую огромную мощь под контролем, не будь я инквизитором и вся божественная сила давно бы вырвалась в стихийном выбросе, выжигая все в радиусе нескольких сотен метров, настолько сильна была милость, дарованная Пресветлой.

От состояния предельного сосредоточения не смог отвлечь и открытый шаманами переход, плевать, среди орков нет истинных мастеров, и портал проработал не более пяти секунд, прежде чем заросший прокол в пространстве не разорвал пополам застрявшего меж двух точек воина. Все усилия брошены только на одно — максимальный контроль. Сфера не только уничтожала врагов но и снимала усталость, восстанавливая часть потраченных сил, в том числе и магических, только благодаря

моим усилиям маги не только до сих пор стоят на ногах, но и все еще продолжали сражаться. От напряжения пот градом катился по лицу, капал на белоснежные одежды жреца, не просто, очень не просто в одиночку оберегать и поддерживать целую армию, к сожалению, сосредоточившись на одной задаче я не заметил, как Анст снова затеял игру с силами тьмы.

Этот безумец призвал демона, на которого по какой-то причине не среагировала защитная сфера. Будь проклят тот день, когда я повстречал его на своем пути! Мало того, что этот сумасшедший эльф согласился принять в себя тьму и все изменяющий хаос, по сути добровольно пойдя инициацию тьмой и перерождение в демона, он решился сделать это здесь! Глупец! В пятнадцати метрах от инквизитора с активированной сферой! Отвлекшись, я начал терять контроль и сфера стала постепенно терять очертания, превращаясь из оружия и надежной защиты в алхимическую бомбу, опасную для стоящих рядом магов. Их же просто сметет от такого количества бесконтрольной божественной силы, и мне не оставалось ничего, как всю ее направить на уничтожение зарождающейся темной твари.

Глава 12.Демон или ангел

Демоническая плоть податливо горела в пламени света, стекая грязными черными кляксами и словно кислота разъедала почву. Фигура, сгорающая в огне не извивалась от боли, открытый в молчаливом крике рот замер, так и не успев издать ни звука. Тот, кто еще совсем недавно предстал демоном начал преображаться вновь, с жадностью, присущей созданиям хаоса и тьмы пожирая истинный свет. Плоть демона горела и плавилась, но опадая обнажала не желтые плотные кости, как ожидали многие, а болезненно бледную плоть благородного эльфа. Кроваво-черные крылья, пронизанные сетью наполненных осязаемой тьмой капилляров, покрывались белоснежными как снег и жесткими словно сталь перьями, скрывая под собой черноту. Прямо под носом у магов рождалось нечто новое, новое и настолько удивительное, что этого не мог представить ни один из ныне живущих, ведь только что смертный, самый обычный смертный принял в себя как божественный свет так и первозданную тьму, густо перемешанную с липким будто смола хаосом и страданиями, и остался при этом в живых.

— Да кто же ты такой…?! — В замешательстве произнес один из магов и звенящая тишина стала ему ответом. Единственная, кто не замер в оцепенении была неописуемо красивая женщина, что еще минуту назад умирала внутри пентаграммы призыва, ее списали, о ней забыли, на языке ворочился только один вопрос: «Как?!». Она неуверенно, покачиваясь из стороны в сторону от слабости и беспокоящих ран сделала несколько шагов в сторону… существа и тяжело опустилась на одно колено.

— Повелитель! Покарай наших врагов! — произнесла женщина, не отрывая восторженных глаз от сочащейся тьмой фигуры с белоснежными испускающими теплый мягкий свет крыльями. Взмах, и немногие сумели устоять на ногах от порыва сильного ветра, поднявшего целый столб пыли и пожухлой травы. Когда воздух очистился на этом месте не было никого и ничего, ни пентаграммы, ни призванного демона, ни белокрылого. Только женщина все так же стояла на коленях не в силах подняться и скалила непропорционально длинные клыки в обворожительной, но пугающей своей жестокостью улыбке, всматриваясь в даль, туда, где по прежнему, не смотря ни на что, шел бой.

Анст

«Турус, сцука!» — промелькнуло на задворках сознания, пока каждая клеточка моего тела погибала и возрождалась снова балансируя между светом и тьмой. Две силы, одна пожирающая другую, и я, стоящий посреди двух стихий, не в силах вырваться, не в силах умереть. Сначала мое несчастное тело изломала и преобразила тьма, а сейчас его бесцеремонно и безжалостно терзал свет, который я вбирал столь же старательно, как и силу доминиона. Свет многолик, свет бескомпромиссен, жесток, ему безразлична судьба попавших в жернова его интересов, но страшнее всего бесконтрольная обжигающе холодная сила, в которой нет ни цели ни разума. Огромная сила, ставшая моей через боль изменения.

— Повелитель! — Сильвия…, она выжила, близость перехода в доминиона поддержало ее. Хорошо.

— Покарай наших врагов!

Врагов? Да, врагов. Я вспомнил. Все, что до этого затмила боль изменений, вернулось на свое законное место. Пространство снова заполнилось напряженной словно струна магией, в чувствительные уши врезаются звуки, выкрики команд, лязг мечей и приходящих в негодность доспехов. Я вдохнул этот приторно сладкий воздух переполненный болью, стонами и криками раненных, проклятиями умирающих людей и нелюдей. Они сражаются с ордой за мой дом, за мои земли, им не помешает помощь. Сильвия, (я с благодарностью посмотрел на вампиршу) я покараю наших врагов, они проклянут тот час, что решились выступить против нас. Взмах белых крыльев и люди падают не в силах устоять.

Полет. Мой первый полет. Минута эйфории от полной свободы, свободы от притяжения и проблем. Рядом ветер, теплый игривый ветер, нежно поддерживающий крылья, летящий рядом, скрадывающий звуки и насвистывающий свои причудливые мелодии. Горько вздохнув от расставания с добрым ветром степи, я камнем обрушился вниз прямо на головы ненавистных шаманов. Приподнял крылья на уровень шей, полуоборот, и семь голов падает с плеч. Запах крови приятно щекочет нос, стремительный рывок, пробивающие артерию клыки, и теплая кровь на губах, дарящая ощущение утекающей с теплой влагой чужой жизни. Скелет, обтянутой тонкой, словно пергамент, посеревшей кожей, когда-то могучие мышцы воина, что легким усилием могли свернуть шею быку, превратились в собственную тень, не способную поднимать ноги при шаге. Организму неоткуда брать энергию, он жрет сам себя, продлевая затянувшуюся агонию и вгоняя своего владельца в пучину безумия. Внутренние органы отказывают и только сердце все еще

исправно выдавало десять-пятнадцать ударов в минуту, словно опасаясь замереть навсегда.

Со спины ко мне бегут шестеро, крылья разрубают их пополам без моего участия, уловив тень опасности. Новый взмах, короткая радость полета, и я снова падаю вниз, чтобы расправиться со следующе группой заклинателей духов. Свет, застывший на крыльях, стал оружием, тьма, окутавшая тело, стала броней, мое появление означало одно — неминуемую, близкую смерть. Я был донельзя зол, а когда я злой — разумным вокруг становится мучительно больно. В конце концов ненавидеть я всегда умел гораздо лучше, чем любить. Зеленорожие ублюдки уже не пытались напасть, наверняка они умели и любили убивать, но все же еще никогда не видели, чтобы в течение двух-трех секунд чистенький, заполненный орками холм превратился в залитый кровью и заваленный кишками филиал скотобойни. Они настолько привыкли нападать, что растерялись, когда напали на них.

Я ударил шамана в челюсть, порой и я бываю милосерден, пускай эта сволочь на последок испытает радость полета. Перехваченный за рукоять кривой изогнутый нож, и собственная рука воина-орка, предавая своего хозяина и не в силах сопротивляться вонзает его в плечо, раскачивает в ране, скребет по кости. Звук ломающихся рук, звучит подобно музыке под аккомпанемент безумных яростных криков и стонов. Движение, и шаман падает, с оторванной нижней челюстью и вырванным языком, проблематично командовать духами, я в этом уверен.

— Помогите! — сипит еще один скрюченный старикашка со вспоротым брюхом. — Помогите! Слышит меня хоть кто-нибудь?

— Я слышу! — склонившись над раненным, я разорвал ему горло. — Полегчало?

Сработало новое правило в общении с шаманом: увидел — убей! Дать ему время означало проблемы, а так отличный шанс на победу. Отмахнувшись от надоедливых духов я открыл портал в доминион и выпустил Горлума поохотиться на этих надоедливых тварей, а спустя минуту, повинуясь моей воле к нему присоединились пятеро братьев. Медленно, но верно мои создания пожирали мельтешащие в панике души, а пространство вокруг затягивала стремительно разрастающаяся тьма. Орки, многочисленные, неудержимые, бесстрашные воинственные… дрогнули, начали отступать, а затем развернулись и в панике побежали прочь, спасая свои жалкие жизни.

Их преследовали мои создания, клан и мой проникающий в саму душу голос, просачивающийся в самый мозг, раскаленным железом выжигая в нем клеймо обреченности. С этого момента

уже невозможно забыть случившейся бойни, и каждую ночь они будут просыпаться в холодном поту, ожидая неизбежности. Во мне зародилась уверенность, что уже нет нужды никого преследовать или выслеживать, ведь и без моей помощи они постепенно будут сходить с ума от страха перед вольными землями. Мне больше не нужна их смерть, для меня даже лучше, чтобы они добрались до своих стойбищ и заразили этим липким, обволакивающим страхом своих жен, детей и стариков, чтобы каждый степной орк трясся и бежал прочь при одном упоминании этой битвы.

Вольные баронства объединились в кулак, обзавелись новыми союзами и выстояли, выдержали натиск многотысячной орды, но никто не спешит поздравлять с победой своего спасителя. Вперед выдвинулся Турус, как тот, кто больше всех понимал происходящее, а остальные так и остались стоять далеко позади, не понимая толи бежать, толи обороняться. Друг идет им навстречу, или чудовищный по силе враг. Люди боялись, но в этом не было их вины, всем свойственно опасаться неизведанного, особенно, если это сильнее их самих.

— Ты вобрал и тьму и свет. На чьей ты стороне? — Громко спросил жрец.

— На своей собственной, разумеется, — приветливо улыбнулся я. — Перед тобой все тот же старый добрый Анст, у меня не изменились ни цели, ни намерения. Между прочим я все еще барон, а ты все еще верховный жрец моих земель, так что у нас одни интересы.

— Рад это слышать и рад, что тебе удалось сохранить разум перед лицом тьмы. — уже более расслабленно выдохнул Турус.

— Полагаю это тебе нужно сказать спасибо, я наивно полагал, ты как нельзя вовремя вернул меня к свету… — ответил я, стараясь не скривить лицо, деланно благодарно продемонстрировав крылья.

— Потерпеть неудачу в совершении добра гораздо лучше, чем преуспеть в сотворении зла. — глубокомысленно и не понятно к чему ответил Турус.

Я обошел жреца, на лице которого после моих слов появилось некое облегчение, все равно он не мог, просто не имел право в открытую выступить против того, кото принял в себя свет богини, сомневаться и интриговать да, попытаться убить родственную силу — нет. Не спеши Турус, сначала преступление, а потом наказание, так что расслабься и получай удовольствие от победы.

Постепенно небо из темного, угрожающе хмурого вернуло себе привычный светло голубой оттенок лазури. Я шел среди трупов по недавнему полю боя, что до сих пор не затихло от

криков и проклятий раненных, не перестало стонать и шевелиться от их попыток подняться или уползти как можно дальше от команд, что добивали и скидывали в траншеи чужих и перетаскивали к временному лагерю своих. Суровая реальность. Столько мертвых тел, не важно союзников или врагов, сулят только одно — болезни, и суровое солнце степи во много раз ускоряет процесс. С мертвецов снимались доспехи, в кучи сбрасывались мечи и так раз за разом, монотонно, превращая изможденных солдат в огромный многорукий конвейер.

— Да? — я оглянулся на положившую мне на плечо руку Трис. Она молча указала мне на стоящего на коленях орка, пробитого насквозь копьем. Помятый шлем валялся в стороне, лицо пересекала глубокая рана, из которой продолжала сочиться кровь, в спине торчали стрелы, а рука железной хваткой сжимала так и не выпущенное оружие. Это был Грым, могучий, широкоплечий орк, вождь и шаман, союзник и… друг. Он не верил в победу, пророчил смерть и все равно храбро шел в бой, не взирая ни на что.

— Прости Грым. — Я резким движением вырвал копью из груди рычащего от боли орка. — Ты не умрешь, пока твоя верность принадлежит мне. Племя Грыма Гнилозуба будет процветать на землях клана Возрожденных. Добро пожаловать в семью, друг.

Орк упал без сознания, но на нем больше не было ран, изможденный сражением, истощенный душой он спал, и был тут же подхвачен на руки уцелевшими и точно так же вымотанными орками, их осталось семеро… Война, она забирает лучших. Хорошо, что эта война закончилась и настало время мира и процветания.

Эпилог

Если надумаешь возвыситься,
знай, наверху всегда тесно.

/закон жизни/

Единственный надежный способ избежать возможных проблем с кочевниками — это построить больше крепостей как можно дальше в степи. Орков лучше всего выдавливать, планомерно и неотвратимо подминая, в общем-то, бесполезную и никому не нужную степь. Пришлось даже нанять мага природника, чтобы отбить затраты на нескончаемую стройку. Если сможет обеспечить двойной урожай на бесплодной степной почве и избавить от вездесущих вредителей — считай, что подходит. Оплата — половина от того, что мы получим сверх обычного, на плодородных равнинах, что он собственно и будет удваивать, хе-хе. Легко быть щедрым, когда тебе это ничего не стоит.

Империя…, ну империя это все-таки не кочевники, она вынуждена соблюдать как минимум видимость законности, иначе не устоит, а по закону мое баронство все еще остается вольным, а то, что его территория выросла в шестнадцать раз, что на границе заложены больше двадцати крепостей… Так на то баронство и вольное, чтобы его правитель делал все, что ему заблагорассудится, так что пока нет подходящей причины империя не сунется в вольные земли, чтобы все бароны вновь не объединились под моими знаменами.

— Повелитель, там делегация светлых эльфов, они настойчиво требуют встречи.

— Твою мать! Какого дьявола им…, а, не важно. Зови. — В малый тронный зал, где не было ничего кроме массивного трона, вошли пятнадцать вечноживущих.

— Приветствуем тебя, высший! — высокопарно заявил ушастый сноб и едва заметно склонил голову.

— Чего? Высший? — признаться я не сразу понял о ком речь, и поерзал на не слишком удобном троне.

— Это значит, сумевший встать над законами мироздания и вопреки им после смерти не стать одним целым с миром, приняв в себя одну из стихий.

— … ясно…, — нахмурился я, мой секрет перестал быть таким уж секретным, раз о нем болтают все кому не лень. Это становится опасно. А когда к тебе домой заявляется незнакомец и

говорит, что знает о тебе практически все, это опасно вдвойне, для незнакомца.

— И что вы хотите, уважаемый…? — поинтересовался я, прежде чем делать свой, без сомнения, опрометчивый поступок.

— Мое имя Элентериэль, высший. Наша Богиня Мать более 70 тысяч лет назад также презрела законы творца и вот уже более 50 тысячелетий приглядывает за своими детьми. Кроме совета старейшин эльфийской расы эта тайна известна не многим, даже светлый князь пребывает в неведении. И именно от лица совета старейших, ради благополучия и процветания эльфов, я прибыл засвидетельствовать свое почтение и сообщить, что мы не будет препятствовать твоим планам, конечно, если они не коснутся Великих лесов.

Фух, адекватный ушастый, с плеч словно сняли целую гору, меня не собирались разоблачать, убивать или шантажировать, со мной просто пришли договориться о мире! Внешне оставаясь спокойным, глубоко внутри я смеялся. Они принимают меня за бога и считают опасным для лесов. Идиоты! Да я до дрожи в коленках боюсь соваться к «сородичам», опасаясь их магов! Перемирие. Не касаться лесов? Да с удовольствием, пошли они все на хрен!

— Эльфийский народ может быть спокоен за свою судьбу, мои планы не коснутся сородичей. — Эльф был доволен, на его лицо снизошла радость, что столь ответственная миссия так легко завершилась успехом. Однако вопреки моим надеждам убираться восвояси он не спешил.

— Сколько раз вы уже умирали, высший? — задал свой вопрос эльфийский посол.

— Да было пару раз… — решил я поскорей отделаться от этого назойливого дипломата.

— Пару ли? — Твою мать, постоянно забываю, что эльфы чувствуют ложь! Я стал мысленно считать, сколько же раз я уже мог отправиться на свидание с творцом. Формально я умирал где-то раз семь или около того…

— Семь-восемь, — нехотя признался я.

— Сколько же вам тысяч лет? — пораженно вздохнул посол, а я снова начал скрипеть мозгами, этикет мать его, как-никак посол целой эльфийской расы, такого сразу не пошлешь. Так, 28 там, да примерно два здесь…

— 30 — эльф ошарашенно зашелся в кашле от количества, — с половиной… Лет… — Длинноухий пораженно замер после последнего слова. Еще бы, ни слова лжи. Наверное до него уже начинает по-тихому доходить НАСКОЛЬКО должно быть могущественное божество, чтобы окочуриться 7 раз за 30 лет!

Особенно, если учесть, что последние 6 раз я окочурился в ближайший год. Да прибавить, что у эльфов первое совершеннолетие в сто лет и по возрасту для них я не больше чем несмышленый ребенок… Но не все так печально, я же все равно останусь высшим, верно? И, если верить сидящему напротив меня первородному лет эдак через 20 тысяч у моего клана будет свой собственный персональный бог.

— Ты все? Или еще чего хотел?

— Быть посольством и советником при вашем могуществе…

— Короче следить?

— В общем да — честно ответил эльф, не иначе не отошел от шока. Я почесал затылок.

— Отговаривать бесполезно, — эльф отрицательно замотал башкой. — Тогда делай, что хочешь, только не мешай.

* * *

— Анст. — промурлыкала Сильвия положив свою нежную руку мне на грудь. — Так ты… бог?

— Я? Смотря что ты под этим понимаешь. Если это та сущность, что ждет от всех преклонения и пребывает в вечной заботе о своей пастве, то нахрен такое счастье. А если это дядька, который живет вечно, имеет неограниченные возможности, делает, что хочет и развлекается как может, то да, это я. — Мы улыбнулись, а спустя секунду наши уста снова соприкоснулись. Как же это прекрасно жить!

* * *

Из разговора изначальных сил, что смертные ошибочно называют богами. Это именно силы, что были до и останутся после.

— Так тебе интересен этот зародыш?

— Конечно, светлая, разве не помнишь сколько моих слуг он уничтожил?

— А ты не думаешь, что в рукаве у него могут быть козыри? Не забывай, он объединил обе наши сути, а ведь такой союз невозможен. Был невозможен, а значит он не настолько прост, как остальные.

— Перестань, Светлая. Одни насекомые сильнее других, но от этого они не перестанут быть всего на всего насекомыми, просто иногда за ними интересно наблюдать.

— Некоторые насекомые бывают смертельно опасны, особенно если не принимать их всерьез. Будь осторожен, потенциально он может стать одним из нас…

Конец

Для тех, кто дочитал до конца и остался доволен:
Сбербанк
Номер счета вклада: 408 17 810 1 38121732309
СВЯЗНОЙ БАНК World MasterCard SAFE
Номер счета: 42306810400061053017
Яндекс деньги: 410011187086313
Webmoney: R182132747670
Киви: 9165747645